г. Санкт-Петербург

Книга Вторая Лихие и святые девяностие

Глава шестая **ОБРЕТЕНИЕ ХРАМА**

СОЖЖЕННЫЕ КОРАБЛИ

Снова и снова вспоминаю великие слова нашего классика, говорившего, что «не полюбивши Россию... не возгореться любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам».

И действительно, мы видим по нашей истории, что для наших соотечественников, любивших Россию, тяготение к церкви было естественным, хотя общественные надзиратели и пытались заглушить в них это чувство.

И разве случайно ощущение жути, когда видишь в церкви ельциных и собчаков?

Понимаешь, что они идут в церковь, чтобы поддержать свои прохудившиеся репутации, но ведь мы знаем, что они ненавидят Россию, а значит, как говорил классик, ненавидят и Бога...

Что же они делают в Церкви?

Страшно и жутко думать об этом, когда смотришь на обугленное, похожее на сожженный корабль здание Белого дома.

1 января 1994 года. Санкт-Петербург

СТАРЫЕ ВЕШИ

У нас дома какой-то кошмар. Пришли — Маринина придумка! — мужики, перетягивают старые кресла, которые надо выбросить.

В доме грязь.

(Продолжение.

Начало в № 1-2, 3-4 за 2015 г.)

Приходил вчера Василий Иванович Бережков. Принес рассказ и заставил его отредактировать при нем. Потом ушел, но тут же вернулся снова — принес водку и торт.

Потом пришел Сергей Сорокин с коньяком, с газетами, с книгами. Разговоры о рубцовском обществе, об ужасном фильме, который снял Василий Ермаков о Людмиле Дербиной, убившей Рубцова.

Сегодня похмелье и зубная боль.

Вытащил материалы для романа и начал раскладывать их. Конечно, здесь все свалено.

Боже!

Сколько у меня только начатых и брошенных вешей!

5 января 1994 года. Санкт-Петербург

РОЖДЕСТВЕНСКИЕ ПОДАРКИ

Под Иркутском — погибло 119 человек! — потерпел катастрофу Ту-154...

Открыта прямая линия космической связи между рабочими кабинетами военных министров США и России...

Зверски убит иеромонах Нестор — настоятель храма Рождества Богородицы в селе Жарки Ивановской области...

Повышены цены на хлеб. В Санкт-Петербурге они выросли за один день на 50 процентов...

Зато правительство Виктора Степановича Черномырдина переехало в отремонтированное здание Белого дома!

Такие вот теперь подарки на Рождество... Каждому свой.

8 января 1994 года. Санкт-Петербург

ДОНОС НА ЧУДОТВОРНУЮ ИКОНУ

Только диву даешься, как приспосабливаются нынче верить в Бога некоторые представители нашей «демократической» интеллигенции.

Ну ладно актрисочка, что, нарядившись в купальник, который не столько прикрывает, сколько подчеркивает ее прелести, рассуждает перед телекамерой «Пятого колеса» о христианстве и покаянии...

Но ведь и люди, обладающие несомненной филологической культурой, при которой атеизм становится противоестественным, тоже не стесняются теперь появиться в своих «купальниках». Шум, поднятый по поводу президентского ука-

за о передаче чудотворной иконы Владимирской Божией Матери Православной Церкви, ещё одно свидетельство этому.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев выступил, например, с заявлением о пагубности этого шага. Дескать, и температурный режим в церкви не сумеют поддержать, и необходимую влажность не будут соблюдать. И погибнет, погибнет замечательный памятник культуры...

То, что Д.С. Лихачев пытается представить нашу Церковь оплотом необразованности и бескультурья, полагая, будто икону поместят в не подготовленный для ее хранения храм, можно оставить на совести академика, который почему-то позабыл, что иконы, которые хранятся в музеях всего несколько десятков лет, сохранялись Церковью веками.

Но ведь сейчас речь идет не просто об иконе, а о чудотворной иконе.

Если Господь хочет сохранить икону, он ее сохранит и в потопе, и в огне пожара. Такие случаи уже были в нашей истории, и если чудотворная икона Владимирской Божией Матери заслонила Россию от нашествия Тамерлана, то неужели можно относиться к ней как к простой, пусть и замечательно расписанной красками, доске?

Как нам представляется, причина атеистического ослепления кроется в страхе, который вызывает в нашей «демократической» интеллигенции сама возможность освобождения чудотворной иконы из музейного заточения. Она — в страхе перед новым чудом спасения России, которое, возможно, явит икона, вернувшись в Церковь.

Икона всё равно возвратится к нам, а сохранится или не сохранится она — никто не может знать, ибо на все Воля Божия...

Да и кто знает, кто может знать, что нужнее для иконы — температурный режим музейного саркофага или молитвы и слезы, пролитые возле неё?

10 января 1994 года. Санкт-Петербург

УСТАЛОСТЬ

Сегодня обещал позвонить Петр Михайлович Колыванкин, чтобы сказать, когда мне выпишут жалованье, и, конечно, не позвонил.

Ужасно унизительно это — сиди и думай, дадут тебе денег или нет.

Тем более что, в принципе, и не за что давать

деньги, ничего я в этой компании «Гарантия» не делал, кроме того, что дважды пил с Колыванкиным и Бережковым виски.

Надо бы подыскать настоящую работу с жалованьем, но где ее найдешь в мои сорок пять лет.

Ужасно трудно жить сейчас на одни гонорары.

Вчера увлекся, работая, и на несколько часов позабыл о деньгах. Это было какое-то упоительное ощущение. Разобрал наконец папки с материалами романа. Понял, что «Троллейбус» и «Ленинградская болезнь» это все-таки самостоятельные вещи. Но посидел часа два за столом, и всё, какая-то жуткая усталость навалилась.

Это усталость не от работы, а от наших реформаторов. Впрочем, устал от них не только я, устала вся страна.

13 января 1994 года. Санкт-Петербург

ТРОЛЛЕЙБУС ЯКОВА ПЕРЕЛЬМУТРА

Днем начал писать рассказ «Троллейбус» о человеке, который садится в троллейбус в городе, где он сделал свою карьеру, а приезжает в город, где только начиналась его взрослая жизнь...

Вечером ходил на заседание Исторического общества. Слушали доклад Евгения Лукина о первой массовой операции в Ленинградской области по репрессированию крестьян.

Кое-что из этого доклада надо обязательно запомнить для повести о Николае Макаровиче Олейникове. О том, например, как «раскрыл» Яков Ефимович Перельмутр повстанческую организацию, использовав список егерей.

— Спички есть в кармане, — говорил он, — дома керосин имеется? Значит, диверсант.

Ну, а когда Перельмутр работал в Благовещенске, он отправил несколько человек на расстрел по обвинению, что они организовали шторм в Тихом океане, погубивший рыболовецкие суда.

Ночью приснилось, как едет этот Перельмутр на троллейбусе из моего рассказа.

Только страшно не ему, а всем, кто вокруг...

14 января 1994 года. Санкт-Петербург

ИМИТАЦИЯ ПОЛИТИКИ

Говорят, что политики без лжи не бывает...

Но в деятельности Бориса Николаевича Ельцина кроме лжи и нет ничего более. И если откинуть ложь, то останется лишь попытка изобразить наличие политики.

Кажется, для этого и подписал он позавчера с Биллом Клинтоном «Московскую декларацию», провозгласившую, что ядерное оружие России и США не будет нацелено друг на друга.

О чем эта декларация?

Как можно договариваться, что пистолет не будет нацелен на тебя? Сейчас не будет нацелен, а через час, через минуту? И кто это будет контролировать, куда нацелены американские ракеты?

О чем же тогда договаривались Борис Ельцин с Биллом Клинтоном?

16 января 1994 года. Санкт-Петербург

ДОМ СОВЕТОВ

Раньше, когда хотели человека за ум похвалить, говорили: «Не голова, а дом Советов».

Теперь то ли телевидение постаралось, то ли сами депутаты этого добились, но так уже никто не говорит.

Даже наоборот...

Ничего не соображаю... – пожаловалась сегодня соседка. – Не голова, а дом Советов стала.
 Потом вздохнула и добавила:

– И сердце болит, противное!

18 января 1994 года. Санкт-Петербург

ВАША КИСКА КУПИЛА БЫ «ВИСКАС»

Они сидели возле Троицкого собора на проволочных молочных ящиках, похожие в сумерках на рыболовов, склонившихся над своими лунками.

Непонятно было: на какой улов надеются они, когда давно уже закончилась служба, когда опустела Александро-Невская лавра... Но даже не пошевелились, не окликнули нас, когда мы проходили мимо к монастырским воротам, спеша в метро.

На всяких нищих насмотрелись мы за годы реформ, и порою, уже не обращая внимания, проходишь мимо копошащихся в грязи младенцев, мимо инвалидов, равнодушно выставивших на всеобщее обозрение свои язвы и обрубки...

Но сейчас заныло сердце.

Страшнее обнаженных язв и культей была эта безнадежная неподвижность. Ну чего, чего ждали они посреди тонущих в морозной темноте кладбищ?!

Подожди меня... – попросила жена.

Она покопалась в сумочке, потом быстро зашагала к нищим. Положила что-то в шапку одному и повернулась к другому. Здесь задержалась, снова раскрыла сумочку, снова начала рыться в ней.

Я отвернулся.

Пушистый, необыкновенно белый снег покрывал могилы и надгробные памятники. Стволы деревьев пусто и отстраненно чернели на нем. Было тихо, только поскрипывал снег под ногами.

Жена вернулась растерянная, смущенная. Молча взяла меня под руку, и мы зашагали к метро.

- Что ты расстроилась? спросил я, когда уже проходили мимо ларьков, пестрящих этикетками колониальных товаров.
- Я ему денег дала... ответила жена. А он спрашивает: а кусочка хлеба у вас нет? Нет, отвечаю, только конфетка сосучая, и всё... Жалко, говорит, хлебушка бы надо, не дойти до булочной, сил уже не хватит...

Жена замолчала, глотая слезы.

Молчал и я.

Вот в такие мгновения и понимаешь, что сделали с нами захватившие власть «демократы». Только скользнёшь взглядом по ценникам в ларьках с колониальными товарами и понимаешь, что и обыкновенное сострадание в нашей стране, где Чубайс определил твою долю во всенародном достоянии в пять кило вареной колбасы — столько и можно приобрести продуктов на ваучер! — уже не доступно нам!

Прошло несколько дней, но эти нищие так и не ушли из памяти...

Я рассказал про них своему приятелю, работающему на скорой помощи.

Приятель только вздохнул в ответ.

— Я страшнее историю знаю. Когда морозы ударили, один старик прямо на проспекте замерз. И знаешь, где он милостыню собирал? Возле рекламного витража «Ваша киска купила бы «Вискас». Вот возле этой «киски» и замёрз от истощения!

Конечно, эта история была страшнее.

Впрочем, не нужно быть провидцем, чтобы сказать, что и она не предел ужаса, ожидающего нас в стране, которую очищают для себя от русских стариков гайдарёныши...

24 января 1994 года. Санкт-Петербург

ЛЮБУШКА

Сейчас многие петербуржцы ездят в Сусанино. Здесь в станционном поселке живет Любушка. Любушка — старица, многое открыто ей, многое происходит, как говорят, по ее молитвам...

Рассказывают, что однажды на праздник Казанской иконы Божией Матери пропала Любушка из дома. Встревожились женщины, жившие со старицей. Куда пойти могла, если и по избе едва двигалась? Отправились искать и нашли в церкви.

- Добрела-то такую дорогу как? удивились.
- Так не одна шла... ответила Любушка. Богородица пособила.

Много таких историй про Любушку рассказывают, а ездят к ней за советом, за молитвою. Любушка послушает гостя, потом пошевелит пальцами, будто книгу листает, и ответ даст. От многих я слышал, что советы эти помогают в жизни наладиться.

Сегодня отправились к Любушке и мы...

Я с Мариной, соседка Наталья, поэты Юрий Шестаков и Андрей Ребров.

День выдался морозный, чистый. Сверкали на солнце заиндевевшие ветки. Было тихо. Громко, на все Сусанино, скрипел снег под ногами.

Дом Любушки нашли легко. Ее в Сусанино знали все.

По утоптанной тропинке вошли во двор и поднялись на крыльцо.

Потом долго стояли в небольшой комнатке возле жарко натопленной печи — ждали, пока позовут к Любушке.

Женщина, назвавшая себя грешницей Анфисой, взяла продукты, которые мы принесли, и как-то сразу расположилась к нам.

- Ходят-то, ходят-то... вздохнув, пожаловалась она. А ведь разные люди! Матушке-то тяжко очень, когда не одни приходят...
- Так мы тоже вроде как целой компанией, засмущались мы. Мы не знали...
- Я не про такую компанию говорю! сказала грешница Анфиса. Главное, что одни. Я чувствую ведь... Вон та, она кивнула на дверь в комнату. Не одна пришедши!

И, повернувшись к иконам, перекрестилась.

Наконец дверь в комнату, где находилась Любушка, отворилась и из неё вышла женщина лет

тридцати. На щеках — красные пятна, глаза — неспокойные.

Женщина, похоже, занималась издательской деятельностью. Порывшись в сумочке, извлекла целую пачку бумажных иконок.

- Любушке хотела оставить, сказала она. Это мы выпускаем...
- Нет-нет! замахала руками грешница Анфиса. Заберите. Не надо нам.

Когда женщина ушла, я всё-таки не удержался и спросил у Анфисы, почему отказалась от иконок. Разве иконы могут быть лишними?

— Дак не знаю... — простодушно ответила Анфиса. — Вся стена иконками увешана. Любушка у нас ведь как говорит: что вы думаете — это нарисовано? Нет, это не рисунки, не фотографии. Это сами святые и стоят... Это для других икона — картинка, а для Любушки нет. Сколько ни будет икон, а каждой она поклонится. Хоть и сил нету, и так едва на ногах стоит... Да ведь и закрепить такую иконку не знаешь как. Не знаю уж, чего бумажками иконы печатают? Того и гляди упадет... А Любушка плачет потом.

На этом разговор с грешницей Анфисой прервался.

Меня позвали к Любушке.

Растерявшись, я вошел в комнату, вся стена которой действительно была завешана иконами, и увидел низенькую сгорбленную старушку. Опираясь на клюку, неподвижно стояла она возле стула, на который мне и велела сесть присутствующая в комнате женщина.

Вы громче спрашивайте! – сказала она. – Совсем плохо слышит матушка.

И совсем растерялся я.

Мне стало жалко Любушку — она напоминала слабенькую бабушку, и только глаза были чистые-чистые... Такие чистые, каких не бывает...

Но не это вызывало растерянность. Только теперь и сообразил я, что не знаю, чего спрашивать. Можно, конечно, было придумать какойнибудь праздный вопрос, только зачем спрашивать то, что самого не слишком волнует?

А что волнует? Если честно, то больше всего занимал меня вопрос, отчего я так переживаю порою, как выглядел в глазах того или иного человека, и при этом почти не думаю, как выгляжу в очах Божиих?

Впрочем, и об этом незачем было спрашивать, поскольку ответ и самому был известен. Сам знаю, что если человек живет праведно, то ему и хочется, чтобы Бог видел его. А коли грешишь, то не только не хочется этого, но хочется, чтобы Бога как бы и не было вообще.

Но уж раз приехал, что-нибудь обязательно надо было спросить.

Я бы и спросил. Во весь голос прокричал бы, если бы знал, о чем спрашивать. Но не сообразить было нужного вопроса в этой комнате, где с бесчисленных икон и иконок смотрели на тебя со стен не рисунки, не фотографии, не полиграфические воспроизведения святых, а сами святые...

 Помолитесь за меня, пожалуйста, – еле слышно проговорил я.

Что-то неразборчивое проговорила Любушка.

- Что? спросил я.
- Имя ваше спрашивает... сказала женщина.
- Николай.

Любушка что-то перевернула в своей невидимой книжке и, опустив голову, беззвучно зашевелила губами.

Я вышел.

Так и осталась Любушка в памяти — сгорбленная, маленькая, с беззвучной молитвой на устах, окруженная стоящими вокруг нее святыми...

26 января 1994 года. Санкт-Петербург

ЛЮБУШКИНА ДЕСЯТИНА

Собирался сегодня в редакцию, стал рыться в карманах — ничего нет!

Сказал жене.

- Ты возьми в столе... сказала она.
- Как я возьму, если ты вчера последние пять тысяч из стола забрала? Давай деньги, я разменяю.
 - А у меня нет их...
- Нет?! Но ты же вроде ничего не покупала вчера!
 - Не покупала...
 - А те пять тысяч где? Потеряла, что ли?
- Нет... Я у Любушки оставила... Ты же видел, как они живут!

Я видел, конечно... Только и у нас эти деньги последние были.

Хотелось сказать жене что-нибудь резкое, но она так виновато смотрела на меня, что не хватило духу обругать ее.

Ладно, — сказал я, — займу у кого-нибудь. А там, может, за редактуру деньги подойдут...

Натянул сапоги.

Когда пальто застегивал, телефон зазвонил.

- Николай Михайлович! раздался женский голос. Вам надо к нам приехать, гонорар получить.
 - За что?
 - Вам, как консультанту, гонорар выписан.
- Да что я там консультировал? Просто поговорили...
- Я не знаю ничего... Вам пятьдесят тысяч выписано. Адрес помните?

27 января 1994 года. Санкт-Петербург

НЕКРОЛОГ В ЖАНРЕ ФЕЛЬЕТОНА

Нет, не складываются легенды о нашем времени, не складываются...

И виноваты в этом не Курковы, не Киселевы, не Сванидзе...

Эти-то господа как раз стараются, но — увы! — само время такое, не рифмуются идеи нынешних реформаторов с человеческими идеалами, вот и не получается ничего героического ни из августа 91-го, ни из октября 93-го года...

Какую ни создай империю лжи, всё равно подлость, предательство и воровство не удастся выдать за благородство, патриотизм и честность. Можно заморочить массы людей, но приходит час — и рассеивается телевизионно-болотная хмарь, и становится видно, как писал Николай Васильевич Гоголь, далеко во все концы света...

Сообщение о смерти Алеся Адамовича потрясло меня.

И причина тому не в личных отношениях... Хотя мы и были знакомы, но последние десять лет я видел Александра Михайловича в основном на экране телевизора, во время трансляций различных демократических тусовок... А уж после того как я встретил его имя под письмом в «Известиях», не могло и сочувствия возникнуть к этому человеку.

И тем не менее не только радости не почувствовал я, узнав, как умер Александр Михайлович, а действительно ощутил какую-то невыносимую скорбь.

У него была большая и красивая жизнь.

Ему исполнилось четырнадцать лет, когда началась война, но в сорок третьем он был уже в

партизанском отряде. Смерть ходила тогда рядом, но — слава богу! — миновала его. После войны Алесь Адамович окончил институт, защитил диссертацию (доктор наук), написал много книг.

И здесь тоже была война...

Адамович писал не только романы и повести. Вместе с Янкой Брылем и Владимиром Колесником записал он свидетельства уцелевших жителей сожженных немцами белорусских деревень. И здесь тоже могло не выдержать сердце. И он мог умереть за рабочим столом, и такая смерть, как ни печальна она, достойно завершила бы его путь.

Увы... Другое было суждено ему.

Как и многие деятели искусства и литературы, с головой ушел Алесь Адамович в авантюры преобразователей России, и вот 26 января этого года и умер он, в зале суда, где не его судили, а он сам судился из-за имущества, принадлежащего Содружеству писательских союзов.

Страшная смерть для бывшего партизана, для бывшего писателя...

И самое страшное, что это хотя и жестокий, но закономерный итог! Сообща со своими друзьями-демократами немало поработал за годы перестройки Алесь Адамович, чтобы оклеветать патриотизм, дружбу народов, высокие идеалы советских героев.

Когда этим делом занимаются малообразованные тележурналисты, разговаривающие и мыслящие — выражением Михаила Никифоровича Полторанина! — на лагерном иврите, или нынешние нувориши, сумевшие под шумок демократии присвоить себе общенародную собственность, это не удивляет.

И с тележурналистами, и с нуворишами всё понятно. Они не отягчены ни честью, ни совестью, ни талантом. Другое дело, когда мы говорим о личностях, подобных Александру Михайловичу Адамовичу.

Тут все другое, тут и спрос другой.

И разве не нашей интеллигенции адресован этот знак, чтобы остановилась она на гибельном пути предательства страны, ибо путь этот гибелен не только для России, но и для каждого из нас, потому что результат этого предательства — гибель художника, гибель личности!

Может ли быть что-то страшнее, когда последние мгновения жизни человека заняты мыслями

об отсуживании чужого имущества, которое уже никогла больше не понадобится ему...

28 января 1994 года. Санкт-Петербург

ЧЕЛОВЕК У БАЛКОНА

Приснилось, что я дома, в Вознесенье...

У нас гости, и стол мы накрываем, конечно же, на балконе, хотя жена и не любит этого. Трудно подниматься с тарелками по узенькой лестнице.

Но зато очень хорошо здесь, на балконе.

Рядом растет елка, и ее пушистые лапы просовываются через перильца. И пахнет от елки лесом.

Очень весело сидеть тут вместе с гостями.

И как всегда в снах про Вознесенье, уже сгущаются сумерки... Мы включили свет на балконе, и поэтому плохо видно, кто это еще подошел. Кажется, это наш сосед Виктор, муж моей двоюродной сестры Нины.

Виктора мы любим, и я наливаю ему рюмку, предлагаю поддержать компанию. И только когда он берет рюмку, я начинаю чувствовать неладное...

Ну да, как же я сразу не сообразил?

Виктор стоит возле дома, а мы сидим на балконе, и сколько же метров роста должно быть в Викторе, чтобы он смог взять наполненную рюмку, чтобы вот так, без напряжения, облокотиться на перила?

Но если это не Виктор, то кто же тогда стоит рядом с нами?

Во сне никогда не знаешь, что это только сон. Поэтому и страшно, когда кто-то, немыслимо высокий, встанет в сумерках возле твоего дома...

3 февраля 1994 года. Санкт-Петербург

СОБИРАЯСЬ В МОСКВУ

Борис Николаевич Ельцин явно ударился в ностальгические переживания.

Вчера он выпивал на праздновании юбилея прорыва блокады, а сегодня вместе с Эдуардом Амвросиевичем Шеварднадзе предался воспоминаниям о временах, проведенных в Политбюро, и, должно быть, в честь этого подписал договор о военном сотрудничестве между Россией и Грузией.

Ну а я готовлюсь к Переделкино.

Вытащил папку с набросками повести о Николае Макаровиче Олейникове.

Разобрал бумаги.

Материал, по-моему, великолепный. Надо делать повесть. Даже написал несколько кусочков.

Ездил к Меньшиковым, получил 50 000 рублей на командировку в Москву, где пообещал организовать печатание основанного ими альманаха.

4 февраля 1994 года. Санкт-Петербург

ПЕРЕДЕЛКИНСКИЕ БОМЖИ

Как-то проще в Переделкино стали нравы. Прежней чопорности уже и следа не осталось. Даже свои бомжи здесь появились...

Один из них Гугуш Тарасович.

Я с ним познакомился, когда он еще директором Дома творчества в Пицунде был. Тогда великим человеком себя Гугуш Тарасович держал. Если поздоровается с тобою, ты как будто орден получил, так должен был себя чувствовать.

Но это давно было, еще в прежние времена.

Теперь в Абхазии война, теперь абхазские формирования, освободив Сухуми, вступили в Гали и вышли на границу с Грузией. Теперь Дом творчества в Пицунде закрыт, а сам Гугуш Тарасович приехал в Москву по делам, да так и остался здесь.

Иногда я вижу его, он вместе с переделкинским водителем за служебным столиком обедает.

Другой такой персонаж в Переделкино — Юра Доброскокин.

Юра директором никогда не работал, писал хорошие рассказы, а потом как-то очень быстро — хотя и не терял никаких льгот, поскольку не имел их! — спился.

Живет он в сторожке на чьей-то даче, но чаще я вижу Юру в Доме творчества.

Когда уезжал в декабре, Юра сидел в фойе старого корпуса и, проливая из пакета вино, пытался наполнить свой стакан.

Сегодня приехал и первым делом увидел Юру. В пальто, в зимней шапке, он сидел посреди вестибюля старого корпуса, уже пьяный в этот ранний час.

А на столе перед ним стоял пакет с вином.

- Что это? пошутил я. Это то вино?
- Почему то?! обиделся Юра. Я сам это вино купил, не выдумывай...

6 февраля 1994 года. Переделкино

ПРОМОЛЧАВШИЙ О СВОЕЙ СУДЬБЕ

И компания в Переделкино все та же.

Александр Сегень... Виктор Калугин... Михаил Гаврюшин...

Только комната моя на втором этаже, конечно, оказалась занята. Поселили меня внизу в страшной холодине.

Вечером, чтобы погреться, пошел с ребятами к Дауру, слушал его рассказы об Александре Бардодыме, молодом поэте, убитом в Абхазии.

Стихи этого члена Ордена Куртуазных Маньеристов:

«Voila-Жаклин», — такое имя Я тебе придумал в этот час, В час, когда судьба соединила И не разлучит навеки нас.

В ласках и любви не зная меры, Скрылись в будуаре от людей, Но через багровые портьеры Пробивался голос площадей.

За окном толпились демократы, Ельцин ездил на броневике... Я стоял с улыбкой, виновато Прикасаясь к маленькой руке.

Моп аті, мы в странном государстве! Здесь у нас сюрпризы каждый день. Никогда парижское лекарство Не излечит русскую мигрень!..

 я читал, но подробности его «военной» биографии услышал впервые.

Когда в августе 1992 года началась грузиноабхазская война, Александр Бардодым взял в Москве командировку от газеты и добрался до Грозного, откуда с отрядом Шамиля Басаева ушел воевать в Абхазию.

Над грозным городом раскаты, Гуляет буря между скал. Мы заряжаем автоматы И переходим перевал...

В страну, где зверствуют бандиты, Горит свободная земля,

Приходят мстители-джигиты Тропой Мансура, Шамиля...

— написал он тогда, за полгода до своей гибели, в гостинице Гудауты, где его застрелит кабардинец из его же отряда, чтобы завладеть автоматом, подаренным Александру одним из абхазских полевых командиров.

И тут можно было бы процитировать строфу, завершающую песню о «мстителях-джигитах»:

Помянем тех, кто были с нами, Кого судьба не сберегла, Их души тают над горами Как след орлиного крыла...

Однако гораздо точнее ложатся на смерть в гудаутской гостинице слова из стихотворения «Voila-Жаклин»:

Оттого, в уста тебя лобзая. Дум твоих тревожить не хочу. Что же дальше? Видит Бог, не знаю! А когда узнаю — промолчу...

Он и в самом деле промолчал о том, о чем поэту молчать нельзя...

7 февраля 1994 года. Переделкино

МОРОЗЫ И НРАВСТВЕННОСТЬ

В Москве – морозы.

Жизнь тем не менее продолжается. Тут тебе и торговцы всех мастей, и зеваки, и лохотронщики, и нишие.

Одним словом, обычная московская жизнь.

Пока шли к метро, приятель рассказал анекдот. Оказывается, международное сообщество писательских союзов разработало проект закона о нравственности. Он был подан в Верховный Совет, но теперь его нет — сгорел вместе с Белым домом.

- Вот, значит, где нравственность сгорела... пошутил я.
 - Получается так, согласился приятель.
 Мы подошли к станции метро.

Пар шел из дверей, и возникало ощущение, что мы входим в баню...

11 февраля 1994 года. Переделкино

МОСКОВСКИЕ ШИКЛЫ

Вчера сосед за столом говорил, что у погоды в Москве циклы по четыре дня. Если завтра не изменится погода, значит, еще четыре дня морозов...

Сегодня мороз спадает...

Закончил рассказ «Крыса» («Джульетта»). Писался он хорошо, с удовольствием и вроде бы получился.

По телевизору тоже потепление. Показывают, как американцы уезжают из Белграда.

Бегут, как крысы.

Вечером позвонила Марина.

Сказала, что меня, поскольку я все равно в Москве, избрали делегатом на съезд Международного сообщества писательских союзов.

13 февраля 1994 года. Переделкино

НОВАЯ ПОЛИТИКА

Вчера, когда в Москву приехал с визитом президент Крыма Юрий Мешков, Борис Ельцин поручил провести неофициальные переговоры с ним Сергею Шахраю, а сам даже и встречаться с президентом Крыма не стал.

То ли политес соблюдал, то ли недосуг было, к встрече с премьер-министром Англии Джоном Мейнджером Борис Николаевич готовился.

Сегодня заявление «о ненацеливании стратегических ракет друг на друга» подписано.

В Переделкино все гадают, что бы это значило...

А что тут гадать?

Внешняя политика регулирует отношения одного государства с другими государствами и народами в соответствии с его принципами и пелями.

Когда этих принципов нет, а цели отсутствуют, договариваться в принципе невозможно, и остается только изображать, что договорились.

15 февраля 1994 года. Переделкино

ВНЕОЧЕРЕДНОЙ СЪЕЗД

Внеочередной съезд Международного сообщества писательских союзов...

Аббревиатура МСПС напоминает МТС. Были в свое время такие межколхозные образования — машинно-тракторные станции.

Но сходство тут не только аббревиатурное...

И в председательствовавшем на нашем съез-

де Сергее Михалкове было что-то от времен МТС, и в речах, и даже в банкете, который состоялся после съезда.

Я не пил, но досидел до конца, поскольку договорился ехать в Переделкино на машине с Виктором Федоровичем Боковым.

Но не получилось. На эмэспээсовской машине уехал Юрий Бондарев, и Бокову, про которого позабыли, пришлось идти на метро.

До метро с нами шли еще два татарских писателя.

Они всю дорогу ссорились... Один ругался на другого, зачем тот собрал с банкетного стола бутерброды и сунул ему в пакет... В метро совсем разошелся, высыпал бутерброды на скамейку, начал шуметь, размахивая руками.

Мы наблюдали за этой сценой уже из вагона. Двери захлопнулись, мы с Боковым уехали, сели на Киевском вокзале в электричку...

В электричке Боков вспоминал, как сочинял стихи в лесу, поставив машинку на пенек, как читал стихи Пришвину. Стихи Михаилу Михайловичу не понравились, но понравилось, как переживал Боков, слушая его мнение.

А подъезжая к Переделкино, Виктор Федорович загоревал...

Банкет плохой был... Бутерброды паршивые... Яблоки плохо нарезанные... Рюмки и те на стол разнокалиберные поставили... Не то что в прежнем Союзе писателей СССР в этом нынешнем МСПС...

Я слушал его и почему-то думал, что Михаилу Михайловичу Пришвину эти рассуждения тоже бы не понравились.

16 февраля 1994 года. Переделкино

УТЕШЕНИЕ

Ездил в Москву.

В «Завтра» напечатан отрывок из моей «Расправы над Россией». Это какой-то ужас. Нарезали бессвязных кусочков и разместили их без всяких связок и отточий на газетной полосе, как единый текст.

Потом заехал к Алле Александровне Андреевой, которую давно уже собирался навестить. Еще до Нового года она поломала руку, и я думал, что попаду в больницу, что надо будет както утешать болящую, но нет, Алла Александровна встретила меня бодрая, веселая.

Не устаю восхищаться ее волей и мужеством.

Столько лет ей, но она так умеет аккумулировать жизненные силы, что поломанная перед Новым годом рука практически уже срослась.

Алла Александровна подарила первый том сочинений Даниила Андреева, а потом — тоже, наверное, в подарок! — рассказала, как расхваливал Владимир Крупин мою повесть о Николае Рубцове.

21 февраля 1994 года. Переделкино

НЕВМЕНЯЕМЫЕ

После обеда поехал в Москву в издательство «Современный писатель». Попасть туда теперь не простое дело. Центральный вход, конечно, оказался закрыт. Я обошел здание, отыскал какую-то неприметную дверь. Позвонил. Дверь открыл омоновец. Из-за решетки взял паспорт, проверил его, наконец пустил.

На обратном пути к метро зашел в «Евророс». Целый час сидел у Байбакова, который разговаривал по телефону о каких-то миллиардных контрактах и ветчине, об истребителях и озоне, который он тоже собирается продавать в Южную Америку.

Я все прислушивался, не скажет ли Слава чего про гонорар за мою книжку, но про это ничего не услышал. Потом зашел к Евгению Чернову, взял пачку книжек «Роковая ошибка Сталина» и поехал в Переделкино.

Там встретил Александра Сегеня с новостью, будто по «Свободе» говорили, что Борис Николаевич Ельцин уже совсем невменяемый стал.

Тут, конечно, и позлорадствовать не грех — вот ведь отказался Ельцин от слова, объявил, что не будет проводить досрочных выборов президента, и, пожалуйста, расплата! — но с другой стороны, чего толку злорадствовать? Страну-то Борис Николаевич все равно успел уже до полной невменяемости довести.

23 февраля 1994 года. Переделкино

СВАДЕБНЫЙ ГЕНЕРАЛ

Государственная дума вынесла постановление о прекращении уголовных дел в отношении путчистов и участников октябрьских событий 1993 года, а генеральный прокурор

Алексей Иванович Казанник выпустил-таки их из тюрьмы. То ли он на торжество закона в стране, где президенту разрешено парламент из танков расстреливать, рассчитывал, то ли на благодарность этого самого президента, которому он, будучи еще народным депутатом СССР, уступил свое место в Верховном Совете, то ли на него так слухи о невменяемости Бориса Николаевича подействовали...

И вот надо же было случиться, чтобы этот правительственный сюжет совпал с моими переговорами с приятелем по поводу придуманного им сюжета сценария про афериста, который наряжался милиционером и вылавливал парочки в парке. Чтобы избежать скандала, мужики откупались, но иногда аферист залетал и садился на срок.

Мы сообща придумали развитие этого сюжета, дескать, аферист каждый раз, выходя, повышал себя в звании и устраивал по этому случаю банкет в «Праге».

В результате наш аферист дорос до генерала.

Ходил в генеральских погонах по кустам, и его так и звали там — свадебным генералом.

Однако сюжет нашего «Свадебного генерала» конкуренции с сюжетом о прокурорском генерале, конечно, не выдерживал...

Может быть, конечно, на решение господина Казанника и оказали влияние слухи о невменяемости Бориса Николаевича Ельцина, однако не до такой уж степени невменяемым президент оказался, чтобы создавать прецедент соблюдения в нашей стране закона.

Сегодня передали, что пришлось прекраснодушному господину Алексею Ивановичу покинуть пост генерального прокурора...

28 февраля 1994 года. Переделкино

сон о войне

Приснилась война...

Днем город был безлюден, пуст, но к вечеру то там, то здесь хлопали выстрелы. Звенело выбитое стекло, начинали звучать крики. А вот уже и автоматные очереди загремели, зазвучали взрывы гранат, начинал оживать город.

Я хотя и в этом городе живу, но оборону держу у себя, в Вознесенье...

Здесь сумерки, осень, сыро.

Я обороняюсь тут, жду, когда начнет наступать неприятель.

И вроде и оружие есть, но как всегда — я вспоминаю об этом, когда уже ничего поправить нельзя! — патронов мне не оставили.

Я не думаю о том, почему так получилось, и от этого еще страшнее во сне...

Еще не проснувшись, с какой-то глухой тоской начинаю думать, как все-таки безумно жалко эту брошенную в осенних сумерках, никому не нужную землю...

О чем этот сон?

О Родине? О судорожной, такой некрасивой и неэстетичной любви к Родине?

Или о том, что другой любви нет, а может быть, и не бывает у нас?

7 марта 1994 года. Санкт-Петербург

ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Пишу «Город Рельсовск» и хохочу.

К девяти часам вечера закончил 17 страниц, а тут в телевизоре герой мой — катит бочку на самого Ричарда Никсона, который, будучи в Москве, встретился с вышедшим из тюрьмы Александром Руцким. Борис Николаевич отказался встречаться с Никсоном и приказал членам правительства поступить так же.

И тут же приятель позвонил по телефону.

- Ты видел, что пьянка с Борисом Николаевичем делает? спрашивает. Никсон пусть и бывший, но все-таки американский президент!
- Ага... говорю. Совсем Наина Иосифовна за супругом не смотрит.

Такой вот прямо из повести телефонный разговор получился.

9 марта 1994 года. Санкт-Петербург

СОМИНО

Не такое уж и великое расстояние от Петербурга до Сомино, а совсем другая погода тут, снег чистый, зима глубокая...

В этот, самый дальний приход Петербургской епархии, пригласил нас священник церкви святых апостолов Петра и Павла отец Геннадий Беловолов.

Храм святых апостолов Петра и Павла — главная достопримечательность села. Он стоит на

пригорке, видимый с любого двора, словно парит над землей, собирая воедино всю округу.

И излуку реки, и ельники, и спокойный белый простор...

12 марта 1994 года. Сомино

ОТЕЦ ГЕННАДИЙ

Отец Геннадий принадлежит к тому новому священству, которым за последние годы пополнилась Православная Церковь.

Он окончил Московский университет и работает сейчас сотрудником музея Федора Михайловича Достоевского, пишет диссертацию «Святоотеческие источники в романах Ф.М.Достоевского», но уже рукоположен в иереи и служит в храме села Сомино.

На приход отец Геннадий каждую неделю ездит.

Сейчас зима, но в доме нет ощущения заброшенности, дачности.

И дело не только в том, что печи накануне — кирпичи еще хранят тепло — протопили. Нет. Просто жизнь здесь не сама по себе, а для служения. Дом этот приписан к храму, и жизнь в нем — для храма. Без излишеств и своеволия.

И, конечно, иконы. Они висят в каждой комнате. Настоящие, намоленные иконы. Иконы, которые не только ты видишь, но которые и тебя видят. Какая-то ласковая строгость исходит от них. И от этого возникает в душе ясность и сосредоточенность.

А быт что же?

О быте тоже нужно заботиться...

— Сегодня я сам управлюсь по дому, — говорит отец Геннадий. — А завтра служба в храме. На завтра распределим послушание. Тебе, Андрей, водное послушание будет, а вам (это ко мне) огненное, печи топить.

12 марта 1994 года. Сомино

СТРАННОПРИИМНЫЙ ДОМ

Все знают, какое бессчетное число храмов уничтожено в России...

Но, пожалуй, только в таких дальних приходах и понимаешь, насколько опустошающим был этот смерч.

Церковь в Сомино — единственная на весь район. И понятно, что прихожане едут отовсюду. И едут издалека.

Здесь, в Сомино, даже специальный дом устроен, в котором можно остановиться. Это чтото вроде бесплатной гостиницы. Здесь стоят кровати. Есть здесь и печь, где можно приготовить или разогреть еду.

И хотя много коек, как в общежитии, но чисто тут и по-домашнему уютно.

Отец Геннадий объяснил, что принадлежит этот странноприимный дом церковной общине.

Странноприимный дом...

Такое вот совсем уже, кажется, исчезнувшее из языка слово встретилось здесь. И встретилось не в разговоре, не в воспоминаниях, а наяву, живьем. Возле храма встретилось...

Вился дымок над трубой.

Топилась печь в странноприимном доме.

12 марта 1994 года. Сомино

ИЕРУСАЛИМСКИЙ МЕРИДИАН

После литургии собрались у отца Геннадия заговеться на Великий пост.

Пришли и учительница литературы, и главный врач местной амбулатории, и еще одна молоденькая учительница с мужем-лесничим — к церкви сейчас потянулась сельская интеллигенция. Это главные помощники отца Геннадия.

Я прочитал свой опубликованный в «Молодой гвардии» очерк об убийстве монахов в Оптиной пустыни.

После чтения завязался задушевный разговор.

Отец Геннадий рассказал, что Сомино — еще предшественник отца Геннадия высчитал — стоит на одном меридиане с Иерусалимом и здешнее время по минутам совпадает с земною жизнью Спасителя и Богоматери.

И действительно, о чем бы мы ни говорили: о трагедии ли, разыгравшейся в пасхальную ночь в Оптиной пустыни, о погоде ли — получалось, что говорим о самом главном, и говорим без суеты, без раздражения.

Мы все, собравшиеся здесь, были разными и почти ничего не знали друг о друге. Но я смотрел на лица еще вчера незнакомых мне людей и думал, что самое главное друг о друге мы, конечно же, знаем — знаем, что мы православные...

13 марта 1994 года. Сомино

СОМИНСКИЕ ОКРЕСТНОСТИ

Погода, пока мы заговлялись на Великий пост, испортилась. Всю ночь, заваливая низкие, затерявшиеся в темноте домишки села, шел мокрый снег.

Это было особенно досадно, потому что службы с утра не было и мы собирались пойти с местным пастухом Петей посмотреть дальние ключи.

Шутя, отец Геннадий сказал, что слова песни «У природы нет плохой погоды» — почти дословная цитата из Епитимийника Кирилла Белозерского, ибо там сказано: «А кто похулит погоду, тому три дня поста...» Это в городе у нас погода сделана отчасти и самим человеком, а в сельской местности пока от Бога она, так что грех жаловаться здесь на погоду.

И только мы поговорили об этом, как проглянуло солнце и воздух словно бы засветился, засверкал в солнечных лучах.

Ключей вокруг Сомино оказалось много.

Называют их здесь ржавцами, и они тут повсюду, словно сама здешняя земля сочится благодатью. Но дальние ключи — особенно мощные. Словно водопад струится по крутому берегу Соминки.

Петр показывал ключи, и лицо его светилось радостью, как будто он своё хозяйство показывал

Впрочем, чье же еще, если не своё? Отсюда, с крутого берега, хорошо было видно всю округу. И церковь святых апостолов Петра и Павла — тоже. Она виднелась среди еловых ветвей, словно елочная игрушка.

Этот храм, видимый отовсюду, и собирает округу воедино, держит её, не даёт распасться пространству на куски белого безлюдья.

И ночью тоже так.

Гаснут огни, пропадают в темноте улочки, но освещенная прожекторами церковь сияет в кромешной ночи, обозначая путь для припозднившегося путника.

14 марта 1994 года. Сомино

ПОКАЯННЫЙ КАНОН

Вечером в понедельник в церкви святых апостолов Петра и Павла, как и по всей православной России, начали читать покаянный канон Андрея Критского.

Паникадила были потушены, горели только свечи да светились в темноте огоньки лампад.

— Откуду начну плакати окаяннаго моего жития деяний? Кое ли положу начало, Христе, нынешнему рыданию? Но яко благоутробен, даждь ми прегрешений оставление, — звучали в сумерках храма суровые слова.

Прекрасен этот, исполненный величественной поэзии, канон.

Но в сельском храме, среди бесконечной тишины и забытости, слова его, открывающие Великий пост, звучали особенно торжественно и значимо:

— Душе моя, душе моя, восстани, что спиши? Конец приближается, и имаши смутитися. Воспряни убо, да пощадит та Христос Бог, везде сый и вся исполняяй...

На чтение собралось человек двадцать, но в темных стеклах окон вечерние огни Сомино мешались с отражениями лампад и свечей, и казалось, что там, за стенами храма — огромное селение.

И так получалось, что зримо и реально было явлено сейчас то Сомино, которое было, которое есть и которое будет, пока будут звучать в храме покаянные слова...

14 марта 1994 года. Сомино

РАЗНЫЕ ЛЮДИ

Вчера промелькнуло сообщение, что Юрий Васильевич Бондарев, которого Борис Николаевич Ельцин наградил на семидесятилетие орденом «Дружбы народов», отказался от этой награды.

А вот Филипп Киркоров и Алла Пугачева от своих свадебно-государственных торжеств от-казываться не стали. Более того, хотя 13 января 1994-го они уже сыграли свадьбу в Москве, вчера они зарегистрировали свой брак и в Санкт-Петербурге. Сделал это для них сам мэр города Анатолий Собчак.

Такие вот разные люди...

Весь день занимался журналистикой — писал беседу с Георгием Подольским.

16 марта 1994 года. Санкт-Петербург

НА ЗАДВОРКАХ

С утра писал «Новоладожскую Вандею».

Потом пришли Саша с Валерой. Говорили о продаже их сарая вместе с нашим участком.

Сошлись, что каждый самостоятельно будет искать покупателя.

Они, если успеют продать первыми, заплатят нам \$750. Если продадим мы, заплатим им 300 + 100.

19 марта 1994 года. Санкт-Петербург

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

Сегодня Торжество Православия.

У нас в Санкт-Петербурге сегодня выбирают депутатов Городского собрания. Но народ на выборы не идет. Никак не удается набрать необходимые 25 процентов избирателей.

А в Москве пропал куда-то Борис Николаевич Ельцин. Крутил телевизор, приемник, но нет, про Ельцина ни слова.

Странно...

Дописываю «Новоладожскую Вандею».

20 марта 1994 года. Санкт-Петербург

В ПРИГОРОДНОЙ ЭЛЕКТРИЧКЕ

Ездил в Зеркальное, читал там в школьном лагере лекции о нормированном и ненормированном языке, о судьбах Николая Олейникова и Николая Рубцова, читал свои рассказы в клубе...

Сегодня возвращался на электричке домой.

В соседнем купе сидел краснощекий отставник в бурках и, опираясь локтем на ящик со своим рыболовным снаряжением, всё бубнил, бубнил.

И уже знали все, что пять лет назад у отставника, как раз к пенсии, скопилось на сберкнижке вполне достаточно на машину, но гайдарёныши эти всё схрумкали!

А теперь тоже не лучше. Хотел отставник наварить деньжат, сдал сбережения по объявлению в газете, и вот, пожалуйста, и эти сбережения сгорели!

Всё это он уже рассказал, но не умолкал, продолжал бубнить, жаловался на Гайдара и прочих мошенников.

- Да хватит уже тебе! с досадой сказал усатый рыбак, сидевший напротив. Надоело!
- А чего это тебе надоело?! возмутился отставник. Или ты за Гайдара?!
- Сам ты за Гайдара! ответил усатый. С умом бы сбережениями распорядился, тогда бы никакой Гайдар не тронул.

- Ну и как же ты, интересно, распорядился?
- Я-то? усатый рыбак ухмыльнулся. Я-то хорошо свои деньги вложил. Все пропил до последней копеечки. Гайдарёнышам твоим ни копья не оставил.

Все в купе захохотали, а отставник в бурках так и замолк с раскрытым ртом.

И такая тоска в его глазах появилась, словно он всё, что в жизни недогулял, недоел, недопил, сразу вспомнил.

Даже жалко его стало...

Впрочем, что же...

Кого же у нас, в России, сейчас не жалко?

25 марта 1994 года. Санкт-Петербург

СОН И РЕАЛЬНОСТЬ

Вторую ночь снятся сны о Любушке.

Вернее, даже не совсем сны, а повесть, которую я будто бы пишу про Любушку.

В повести с героем происходили различные чудеса, выстраивались в сюжет, но выстраивался он именно во сне, а проснулся, и сразу нарушилась логика сна, позабылся он, только что-то светлое осталось в памяти...

Впрочем, ведь и после некоторых хороших книг тоже остается в памяти только что-то светлое, теплое...

Ну а наяву никаких просветов не наблюдается. **28 марта 1994 года. Санкт-Петербург**

ВЕСЕЛЫЕ ПОПУГАЙЧИКИ СМЕРТИ

Нам так долго, так уныло и так бездарно твердили на разных политбеседах о бесчеловечном лице капитализма, что мы перестали верить этому.

Теперь лицо капитализма мы можем видеть воочию.

Нищие старухи, роющиеся в помойках, а рядом — заставленные всякой всячиной в ярких упаковках витрины магазинов, ларьки. Это соседство стало привычным для нас...

Но это в больших городах.

В городках и поселках, из которых и состоит Россия, положение еще ужаснее. Эти городки оказались совсем беззащитными перед назначенческим капитализмом...

Этим летом мне случилось быть в Подпорожье. Кооперативных ларьков здесь немного, выбор товаров куда беднее, чем в Петербурге, цены же

еще круче, но именно возле этих киосков и крутится здешняя пьяная жизнь, потому что спиртного больше достать негде.

Торгуют в киосках и баснословно дорогой по здешним понятиям заграничной водкой питерского разлива, но у здешних мужиков популярностью пользуются маленькие бутылочки с яркими цветными пробками. В них — жидкость для удаления пятен. За размеры и веселую окраску пробок эти флаконы прозваны «попугайчиками».

По сравнению с «заграничной» водкой «попугайчики» дешевы, вот и берут их...

И, конечно, травятся.

Как раз, когда я был в Подпорожье, хоронили такого выпивоху. На похороны явилось всего двое приятелей. Остальных, оказывается, еще раньше насмерть заклевали эти самые «попугайчики».

Только за месяц с тяжелыми отравлениями изза «попугайчиков» было госпитализировано восемнадцать человек. Третья часть всей экстренной медицинской помощи городка затрачивается, чтобы вернуть к жизни людей после употребления «жидкости для удаления жировых пятен».

Вытравливание народа такое, что в редакции местной газеты «Свирские огни» решили провести встречу с кооператорами, торгующими смертоносным зельем.

Разговор не получился. Врачи рассказывали о «попугайной» эпидемии, поразившей город, журналисты толковали о морали, об общечеловеческих ценностях, а кооператоры приводили свои резоны...

Для торговли водкой надо оформлять лицензию, а поскольку «попугайчики» — неалкогольный товар, то они и будут им торговать, и нечего говорить о запрете, вы что, против указа Бориса Николаевича Ельцина о свободе торговли?

Тем не менее, как можно было понять из газеты, соглашение было достигнуто — коммерсантам пригрозили, что закроют ларьки (они работали без кассовых аппаратов), если не прекратится торговля «попугайчиками».

На этой оптимистической ноте и кончался отчет о встрече в редакции...

Я читал тогда газетку на скамеечке, на берегу Свири, и своими глазами видел, насколько ненадежным оказался достигнутый консенсус...

Невдалеке от меня расположилась компания

мужиков с веселыми «попугайчиками». То ли подпорожские коммерсанты успели оборудовать ларьки кассовыми аппаратами, то ли продали — не пропадать же добру! — товар из-под полы, но добрались-таки, долетели смертоносные «попугайчики» до своих жертв...

30 марта 1994 года. Санкт-Петербург

ДЕЛО ЖИТЕЙСКОЕ

Позавчера дописал рассказ «Дальний приход», навеянный поездкой в Сомино, а сегодня закончил очерк «Прощеное воскресенье».

Ходил в газету «За рабочее дело». Получил там свои 5 000 рублей и потом долго разговаривал с Долговым.

Прочитав моих «Веселых попугайчиков смерти», он сказал, что и в Питере разливают такое же пойло, только в водочные бутылки. Лицензия взята на разлив «попугайчиков» или «красной шапочки», но это для отмазки. В основном льют в водочные бутылки.

- A что же власти?
- А что власти... Даешь взятку, и лей что угодно... Дело-то житейское...

Вечером позвонил Володя Меньшиков. Сказал, что в понедельник привезет 50 000 рублей из Волховстроя за «Новоладожскую Вандею».

4 апреля 1994 года. Санкт-Петербург

В СВЕТЛЫЕ И ТЕПЛЫЕ ДНИ

Такие светлые и теплые дни.

За текущей работой в последнее время всё чаще и чаще думаю о романе из времен Алексея Михайловича.

Какой это может быть роман!

Тут и протопоп Аввакум, и Богдан Хмельницкий, и Семен Дежнев, и Степан Разин. Здесь много разных Россий. И главное — всё это одна Россия...

С утра делал записи для романа.

Потом позвонил Лукин, спрашивал, устроит ли меня 500 000 жалованья. Сказал, что будет издаваться журнал для богатых.

Как всегда, это — пустышка, и знаешь это, но мысли начинают крутиться возле нее, отвлекая от работы.

Вечером в новостях передали, что самолеты НАТО бомбят сербов...

10 апреля 1994 года. Санкт-Петербург

ОПЯТЬ НЕ ДОЗВОНИЛСЯ

Профессия сатирика — увы! — умирает...

Сядешь к телевизору и можешь записывать подряд, что там нынешние министры и депутаты изрекают, и тут, как говорится, Салтыков-Щедрин отдыхает...

Вот министр Козырев сегодня рассказывал о Никсоне, а потом позабыл про Никсона и зачем-то начал объяснять, что он, когда ему в туалет нужно, объясняет компании, дескать, идёт позвонить близкому другу.

Такие, оказывается, тонкие манеры у нашего министра иностранных дел.

Некоторые телеведущие называют его чеховским интеллигентом, но это неправда. Чеховским персонажам до министра Козырева все-таки далеко.

И трудно с такими манерами министру, ох, трудно...

Рассказывает, как натовские самолеты Сербию бомбят, а у самого взгляд такой задумчивый, такой чеховский, а к концу интервью, пожалуй, и огорченный отчасти, будто он до близкого друга дозвониться не успел.

12 апреля 1994 года. Санкт-Петербург

ПИСАТЕЛЬСКИЕ МОЛИТВЫ

День вчера выдался пасмурный, тягостный...

Прилег отдохнуть, и тут звонок — вышел мой «Стефан Великопермский».

Отлично издали книгу.

Потом ездили с Евгением Лукиным в «СПб ведомости». Отдал Александру Афанасьеву очерк «Прощеное воскресенье», получил от него предложение работать в «Ведомостях» по договору.

Вечером сидели с Сергеем Сорокиным и сравнивали стихи в сборниках Рубцова, отмечая разночтения.

Ну, а сегодня весь день связан с Союзом писателей.

С утра непрерывные звонки, потом правление. Наконец, собрание...

Правление мы (я, Евгений Кутузов, Олег Чупров) провели хорошо, и собрание тоже хорошо прошло. Выбрали Ивана Сабилу, Александра Скокова, меня, Ивана Виноградова, Олега Чупрова...

Потом выпили, конечно. Я, Андрей Ребров,

Андрей Романов, Николай Шадрунов. Я все рассказывал о своих планах омолодить правление. Домой шел на молитве.

19 апреля 1994 года. Санкт-Петербург

СВОЙ ПУТЬ

Что и говорить, семьдесят советских лет — тяжелое время в жизни нашей Православной Церкви. Закрывали монастыри, разрушали храмы, расстреливали и гноили по лагерям и тюрьмам священников. Православие старательно изгонялось из быта, из книг...

И все-таки, когда слышишь разговоры, что Россия за эти годы сделалась страной безбожников, становится не по себе.

Да, разрушали, да, гнали. Но вот сегодня отец Геннадий Беловолов рассказал об отпевании в деревне Чудцы рабы божией Екатерины...

— На отпевании, — говорил он, — всегда очень остро чувствуешь человека, которого отпевают. А это отпевание было особенно благодатным. Покойница, ей было девяносто лет, лежала в гробу, как будто прилегла отдохнуть. И я спросил потом: верующая ли была она? А мне ответили, что, когда в Чудцах ломали церковь, кирпичи использовали для строительства клуба, так вот, эта самая Екатерина ни разу после этого не заходила в клуб, чтобы, пусть и косвенно, не участвовать в осквернении церкви.

Что это такое — может понять только человек, живший в сельской местности.

В двадцатые годы рабе божией Екатерине не было еще и двадцати лет, и все-таки добровольно отказалась она от всех нехитрых деревенских увеселений — танцев, кино...

С ранних лет «платочком черным прикрылась» и так и шла все эти годы своим не видимым никому, но праведным путем.

И каким бы трудным он ни был, но самой рабе божией Екатерине этот православный путь не казался трудным.

Это был её путь.

22 апреля 1994 года. Санкт-Петербург

ВОЛОГОДСКАЯ ТРАГЕДИЯ

Вчера утром приехали Сергей Михайлович Волжин-Ястребов и Александр Хохлов. Привез-

ли водку, шоколад и разговоры об опере-балете по стихам Рубцова, которую они хотели бы заказать Валерию Гаврилину.

Мне в 12 часов нужно было проводить проходившую в рамках нашего Русского исторического общества встречу с депутатом Государственной думы Евгением Туиновым, и я отправился в Дом культуры «Гавань» на Васильевском острове, а мои гости поехали к Гаврилину.

Встреча с Туиновым прошла тускло, народу было немного.

Вернулся домой, а там Сергей Михайлович уже собирается читать мой «Пригород», на столе стоит водка, закуски.

Надо сказать, что читал Сергей Михайлович блестяще.

Сегодня с утра Сергей Михайлович с Хохловым уехали, а мы с Мариной принялись доделывать том Рубцова.

Книга сложилась в таком составе: моя повесть, лучшие (многие в первых неиспорченных вариантах) стихи Николая Рубцова, письма и воспоминания о Рубцове.

И название придумалось — «Вологодская трагедия».

24 апреля 1994 года. Санкт-Петербург

БЫВШИЕ

Перед смертью Алесь Адамович, оказывается, хлопотал, чтобы Россия поставила в ООН вопрос, дескать, гражданская война не может считаться частным делом той страны, в которой эта гражданская война происходит.

Вчера Юрий Корякин рассказывал по телевизору, что Адамович даже и перед смертью звонил ему об этом. Дескать, если только начнется какая-нибудь гражданская заваруха в России, надо сразу Россию оккупировать.

И это говорил бывший белорусский партизан!

А сегодня Борис Николаевич Ельцин подписывает с представителями различных партий Договор об общественном согласии с целью закрепления стабильности в обществе после кризисных событий 1993 года.

И это бывший секретарь обкома КПСС! И это бывшие демократы!

28 апреля 1994 года. Санкт-Петербург

ПРАВОСЛАВНЫЙ АВТОБУС

Этот автобус арендовали финские паломники, но немало оказалось здесь и питерского народа.

Матушка Татьяна Беловолова в черном платочке, с четырехлетним сыном Игнатием... Девочки из хора церкви иконы Владимирской Божией Матери со своим регентом — Ириной Валентиновной Болдышевой...

И тем не менее, хотя люди собрались разные и по возрасту, и по национальности, и по общественному положению, все мы были в чём-то неуловимо, но совершенно определенно схожи — все мы были православными.

И двигался наш православный финский автобус в Тихвинский монастырь — в сокровенную глубину северной православной Руси. Высоко над землей, обильно политой русской кровью и осиянной красотой Православия, мчался он.

Вот село Поток... Из окна автобуса, мчащегося по шоссе, дома кажутся совсем низкими, такое ощущение, будто засасывает село в болото вместе с разрушенным храмом чудотворной иконы Тихвинской Божией Матери.

И снова, как будто и не сговариваясь, звонко и чисто запели девочки из церковного хора тропарь, и на мгновение проглянуло, рассеивая серую, дождевую хмурь, солнце, залило радостным светом и развалины храма, и асфальт, проложенный прямо по могилам здешнего кладбища...

Неизъяснимая тайна присутствует в церковном пении.

В Тихвинском монастыре, когда запели на крылечке церкви Богородице Дево, радуйся, и чистые, светлые голоса смешались с легким ветерком, вдруг показалось, что это не школьницы поют. В затертой от постоянного употребления метафоре «ангельское пение» открылась первозданная глубина.

— Я не помню некоторых молитв, но когда пою, всегда вспоминаю, — рассказывала одна из девочек и, подумав, добавила: — Это не я, наверное, пою. Это ангел-хранитель...

А как преображают юные голоса всё еще полуразрушенные, хотя и возвращенные уже Церкви храмы! Словно бы наполнятся небесным светом угрюмые, темные помещения...

В такие мгновения понимаешь, что истинная молитва способна оживлять и мертвые камни.

29 апреля 1994 года. Сомино

СЕРЕБРЯНЫЕ ПАСХАЛЬНЫЕ ДОЖДИ

А наш автобус мчится дальше, и матушка Татьяна, как человек, знающий здешнюю дорогу, рассказывала о святынях, мимо которых мы проезжали.

О монастырях, о явлении здесь чудотворной иконы Божией Матери Тихвинской, о молитвенном камне преподобного Антония, который не каждому и открывается, то виден он, то закрыт водой...

Святые... Подвижники... Они творили подлинные чудеса.

Фокусы, похожие на чудеса, демонстрируют и различные кудесники, которых немало развелось в последнее время. Но есть различие. Оно обнаруживается в той светлой радости, в той теплоте, что сквозит в рассказах о жизни святых подвижников. И, может быть, эта теплая вера и есть самое главное чудо, которое сотворили Отны нашей Церкви.

Ну и, конечно, про Сомино, где нам и предстояло праздновать Пасху, рассказывала матушка.

Сама она тоже живет в Санкт-Петербурге и в Сомино вместе с отцом Геннадием приезжает на воскресенья, на праздники. Поэтому Сомино для нее всегда воскресное, праздничное.

 И дожди здесь над храмом идут, будто серебряные... – говорит она.

В эти серебряные, пасхальные дожди и мчался наш автобус.

30 апреля 1994 года. Сомино

СОМИНСКАЯ ЦЕРКОВЬ

Я был в Сомино на Прощеное воскресенье, перед началом Великого поста. Тогда всё было засыпано снегом. Сейчас снег растаял, и Соминка, превратившись в полноводную реку, затопила низкие берега.

Дома, вытаявшие из снежных сугробов, словно бы стали выше, а над ними прямо в небо возносится церковь святых апостолов Петра и Павла, соединяя и разлившуюся Соминку, и подернутые зеленоватой дымкой раскрывшихся почек рощи и дома поселка.

И когда смотришь на церковь, на сияющие посреди вечернего неба кресты, как-то удивительно спокойно и радостно становится на душе!

30 апреля 1994 года. Сомино

НАСЛЕДНИК КУПЦА ЖУКОВА

Ночевать нас определили в дом к Николаю Христофоровичу.

Николай Христофорович не местный житель, но в Сомино у него два дома.

В одном живёт сам, другой предназначен для детей, приезжающих отдыхать летом. До революции этот дом, сообщил нам Николай Христофорович, принадлежал купцу Жукову.

С прежним владельцем у него особые, почти мистические отношения.

- Погодите! - сказал он. - Я вам сейчас портрет своего отца покажу.

Ушел в дом и скоро вернулся с фотографией в тяжелой деревянной раме. На фотографии, положив на колени огромные, почерневшие от земли и работы руки, сидел крестьянин и смотрел прямо на нас.

— Раскулачили его... — вздохнул Николай Христофорович. — На лесозаготовках и погиб. Но вы на рамку внимание обратите! Я эту рамку на чердаке нашел. Наверно, самого Жукова в ней портрет был...

Рассказав об отце, которого объявили кулаком-мироедом, Николай Христофорович снова заговорил о купце Жукове, водившем свои баржи в Петербург и Вологду. И видно было, что его Николай Христофорович уважает и относится к нему даже теплее, чем к настоящим родственникам...

Показав нам жуковское хозяйство, похвалив дом, который хотя и простоял уже сто лет, но еще столько же простоит, Николай Христофорович сокрушенно вздохнул, что не сможет из-за большой воды показать, где чалились жуковские баржи...

Ты расскажи, что Жуков и на церковь деньги жертвовал... – посоветовала Николаю Христофоровичу супруга.

Николай Христофорович набычился было, а потом подмигнул и сказал вдруг, что будет еще разбираться, чего это перетащили жуковское надгробье в церковную ограду.

- A разве этот Жуков в другом месте похоронен? спросил я.
- Не знаю... сказал Николай Христофорович. Я поэтому и хочу посмотреть, что они там устроили с памятником.

Потом помолчал и добавил с затаенной оби-

дой, что, дескать, сам уже лет двадцать в церкви не был.

И понятно стало, что и о жуковском надгробье заговорил он неспроста.

- Что же так? поинтересовались мы.
- Так получилось... вздохнул Николай Христофорович и рассказал вдруг, что он сам помогал ломать у себя в селе церковь.

Не проговорился, а именно рассказал, и при этом пытливо посмотрел на нас.

Я тоже смотрел на него, пытаясь понять, зачем затеял Николай Христофорович разговор про надгробье купца Жукова, про церковь, которую он ломал... Хотя чему тут удивляться? Очень это русское стремление — терзаться от душевных мук и при этом испытывать и себя, и других, выясняя, а есть ли вообще душа.

Вот и Николай Христофорович, такой хороший мужик, работящий, хозяйственный, умный, и душа у него болит, и он сам пытается понять, отчего она болит, но все время придумывает отговорки, то про церковь разрушенную, то про памятник, чтобы только не перейти улицу, не войти в храм.

И жена Николая Христофоровича, как видно, тоже понимала это. Нет, она не возражала, не перечила мужу, слушая его, но в глазах ее светилась надежда, что вот сейчас и решится все, совершится! И только улыбнулась печально, когда закончился наш разговор.

Ну а чем другим он еще мог закончиться? Тут ведь такая русская упёртость, такая жестоковыйность, такая убежденность, что это сама церковь должна прийти в дом Николая Христофоровича, постоять у дверей, чтобы он вошел-таки в нее...

И, может быть, об этом и не стоило бы говорить, если бы духовная драма, которую переживает, по-видимому, сейчас крепкий, хороший человек Николай Христофорович, была лишь его, сугубо частным переживанием.

Увы... Точно такую же драму переживают сейчас в своих душах тысячи, миллионы наших сограждан, которые уже понимают, куда им нужно идти, и все равно не могут переступить порог...

30 апреля 1994 года. Сомино

В КАЖЛОЙ ИЗБУШКЕ СВОИ ИГРУШКИ

Неделю назад смотрел в музее Ф.М. Достоевского фильм «Освящение престола».

После фильма отец Геннадий говорил, что мы и безбожны по-православному. Русская земля — это престол Божий, и нам невозможно уйти от крещения.

Ангелы плачут у разрушенных престолов, – говорил он. – Храмы зияют пустыми окнами, призывая нас к покаянию. Устрашимся же судов Божиих. Страшно впасть в руки Бога Живаго!

Еще он рассказывал тогда про семью Горских, что жила в Сомино. Отец этих Горских говорил в двадцатые годы: «Дайте пулемет, всех попов перестреляю!»

Брат его сбрасывал с церкви колокол.

А потом начала вымирать большая семья. И вот неделю назад последние Горские разбились на машине. Никого не осталось...

Сейчас в Сомино я спросил за чаем у отца Геннадия, где жили Горские, но он не понял, о чем я его спрашиваю. Благодушный после чаепития, он рассуждал сейчас, как счастлива рыба, которую съел Господь...

30 апреля 1994 года. Сомино

ПАСХА

Всю субботу мы провели в церкви.

Вместе с местными прихожанами украсили ее, и в десять часов вечера начали читать Апостол.

— Огонь свечи, передаваясь от одной к другой, только множится! — говорил на проповеди отец Геннадий. — И мы, делясь пасхальной радостью, только умножаем ее.

Причастившись во время службы, он даже внешне изменился. Я смотрел на него и не узнавал в нем человека, с которым сидел за столом всего несколько часов назад.

И пел хор. Глаза девочек светились чистой, неподдельной пасхальной радостью, звенели взлетающие под самый купол храма голоса!

И нарастала, нарастала эта пасхальная радость, в который уже раз на земле повторялось величайшее чудо, захватывая в себя всех, кто находился в храме.

— Христос воскресе! — возгласил батюшка, когда, закончив крестный ход, мы вернулись в храм и, словно прямо из души, как выдох, прозвучал ответ: «Воистину воскресе!»

И незнакомые люди целовались друг с другом.

- Христос воскресе!
- Воистину воскресе...

Чистое и дивное веселие охватывало всех. И тех, кто всегда ходит в церковь, и тех, кто, подобно нам, еще только пытается воцерковиться.

- Как хорошо, что все собираются здесь... сказал я местной учительнице.
- А где же еще нам собираться? ответила она.
 Действительно, где еще можно собираться так, кроме церкви?

1 мая 1994 года. Сомино

ЛИСТВЕНКА

Уже под утро мы причастились, а потом еще разговлялись и так, почти и не поспав, отправились в Лиственку, где отец Геннадий должен был служить в здешней часовенке.

Лиственка — обыкновенная деревенька.

Дома, огороды, все серое в накрапывающем дожде, безрадостное. Выделялась только быстрая, стремительно бегущая вода в реке. Из автобуса казалось, что река совсем рядом, но идти до неё по переулку, заплывшему сырой землей, пришлось неожиданно далеко.

Часовня и стояла как раз у воды, поднявшейся вровень с берегами.

Здесь в ожидании службы уже толпились местные жители.

Когда отец Геннадий открыл двери, в часовенке сразу сделалось тесно и жарко от зажженных свечей. Строители явно не рассчитывали на такое число прихожан. После бессонной пасхальной ночи трудно было стоять в тесной и жаркой духоте, и я вышел на улицу.

По-прежнему накрапывал дождь.

Пережидая его, сидел в автобусе, разглядывая серые дома, сараи, хлевушки, заборы. Лиственка — самая обычная деревенька, и ничего необычного не было в открывающемся глазу пейзаже, и всё же — трудно было догадаться, в чём дело! — что-то отличало её от тех бесчисленных поселков и деревень, в которых доводилось мне бывать.

Только спустя время отгадал я причину этому. Из высоко стоящего над землей автобуса видно было во многие деревенские дворы, и нигде, ни в одном из них, не замечал я людей.

Все были в часовне, где шла сейчас служба...

И как-то неуютно стало в теплом автобусе, когда я понял это и очень остро пожалел, что ушел из часовенной тесноты, где сейчас рассеялась пасмурная погода и засияло небо...

1 мая 1994 года, Сомино

ОТЕЦ АНДРЕЙ

Мы ехали в Ефимовское, где до сих пор в церкви Ильи-пророка размещается ветлечебница и под сводами храма мукают больные коровы и визжат свиньи.

Заведующая детским садиком, Анна Анатольевна Сергевина, уже собрала общину, и начальство не возражает против возрождения храма, но всё равно пока ничего не получается, и пасхальное освящение куличей и яиц решено было проводить в клубе.

Здесь и состоялся небольшой концерт.

Регент, Ирина Валентиновна Болдышева, выстроила своих девочек на сцене, завешанной рекламами предприятия «Фарт».

Девочки старались петь и здесь, но странно и непривычно тускло звучали со сцены голоса, куда-то исчезла ангельская чистота и вместе с ней — и пасхальная радость.

Чуда не свершилось.

Раздались жиденькие хлопки, тускло и серо было в огромном, погруженном в полумрак кинозале. Зрители в кинозале явно скучали, между рядами, пошатываясь, бродили подвыпившие местные парни.

Все оживились, когда на сцену поднялся финский священник отец Андрей. Светловолосый, светлобородый, со спокойными, сосредоточенными, словно бы обращенными в самого себя глазами...

По национальности отец Андрей — швед, родился в Финляндии, в лютеранской семье. Он изучал богословие в университете Турку и писал маленькую — так перевел переводчик — научно-исследовательскую работу о Православии.

Вместе с группой студентов, — говорил отец
 Андрей, — нас послали в Россию...

В России в Прощеное воскресенье лютеранский студент-богослов попал в Елоховский храм. Службу вел патриарх. И когда, словно последний грешник, поклонился патриарх народу, испрашивая у него — «Простите, братья и сестры!» — прощения, что-то сместилось в го-

лове студента-богослова. Эта сцена так потрясла его, что, вернувшись в Турку, он немедленно крестился в Православие и через год принял священнический сан. Сейчас служит в Православном приходе, где три тысячи шестьсот прихожан...

Со сцены, завешанной назойливыми рекламами, отец Андрей рассказывал о своих путях духовных исканий.

— Господь сподобил меня встретиться с оптинским старцем Илием. Он разговаривал со мной по-русски, никакого переводчика не было, я не всё понимал умом, но сердцем, душою впитывал в себя исходившую от него благодать...

Самое замечательное в рассказе отца Андрея было не то, что он говорил, а как говорил. Даже и тени сомнения, что здесь, вблизи Тихвина, где явилась одна из главных святынь Православной Церкви, могут не знать об оптинских старцах, не возникало в нем.

Простые и ясные слова отца Андрея какимто чудесным образом сделали своё дело. Смолк рассеянный шум, прекратилось хождение по залу. Что-то отозвалось в сердцах слушателей...

— Ишь ты! — похвалила отца Андрея сидевшая впереди старушка. — Чухна, а ведь правильно говорит. Почитать стариков надо! Много пользы от них получить можно...

Вечер в Ефимовском закончился неожиданно очень хорошо и душевно. Снова пели пасхальный тропарь, только теперь уже на финском языке. Потом освящали куличи и яйца. Местные жители подходили к отцу Геннадию под благословение.

Благословлял и отец Андрей.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! — с сильным акцентом старательно выговаривал он, словно благословляя нас на тот Православный путь, который должны мы пройти, которым идет наша страна, чтобы вернуть себе растерянные и забытые духовные богатства...

1 мая 1994 года. Ефимовское

ПРЕЛЧУВСТВИЯ

Сегодня катались на велосипедах. И день был хороший, дорога красивая.

Заехали на обратном пути к моему приятелю во Всеволожск. Жарили во дворе сосиски, пи-

ли коньяк, в город вернулись уже поздно вечером, когда начало холодать.

Но так весело возвращались, что тепло было.

Помню, крутил педали и все вспоминал пламя костра, разведенного во дворе у приятеля.

А поздно вечером, уже в квартире, раздался звонок. Звонила двоюродная сестра из Вознесенья.

Наш родительский дом сгорел...

Как-то машинально прикинул, что загорелся дом как раз в то время, когда мы возвращались из Всеволожска, когда я крутил педали и видел перед глазами веселые языки пламени костра...

8 мая 1994 года. Санкт-Петербург

ЧУДЕСА

Дом горел по-настоящему...

Мальчишки, что забрались в подполье, зажигали спички, одна упала в оставшиеся после ремонта стружки...

Вначале прогорел пол в большой комнате.

Выскользнув наверх, огонь побежал по стене, успел схватиться за потолок. Потом переметнулся в боковую комнату — здесь было взломано окно, в которое залезли непрошеные гости — и здесь, на сквознячке, разросся настоящий пожар.

Странно — этого не могло быть! — при таком пожаре дома сгорают дотла, но наш дом потушили

Я приехал из Питера через два дня.

Оконные рамы и двери выломаны...

Обугленные половицы вывернуты...

С почерневших потолков — пожарные, заливая огонь, не пожалели воды! — все еще капало.

И я, стоя среди хаоса обугленных вещей, всё пытался и не мог понять, почему дом не догорел до конца? Что остановило ненасытный огонь?

Соседи, успевшие вовремя заметить дым?

Пожарные, что сразу примчались сюда, едва им позвонили?

Свирь, что течет под окнами, без промедления наполнившая своей водой пожарные шланги?

Всё это так, но еще было и чудо, ибо только оно и могло спасти дом, заполненный огнём изнутри.

Странным было и то, как распространялся огонь. Добежал по стене до бумажных иконок и остановился. По одну сторону прогорели и обои, и фанера, сами бревна обуглились, а по другую сторону от икон — только копоть. В нестерпимом жаре расплавились пластмассовые рамки, но сами иконы уцелели, лишь потемнели от копоти лики...

Еще одно открытие ждало меня, когда я разбирал в боковой комнате прогоревший насквозь пол. Здесь огонь бушевал вовсю, здесь насквозь прогорел потолок, но и здесь не сгорела висевшая на стене иконка Покрова Божией Матери.

Картонка, на которую была наклеена она, куда-то исчезла, а сама икона — простая бумажка — стояла невредимая в груде рухнувших в подвал обгоревших балок и половиц...

Странное это зрелище — смотрящий на тебя из черноты головешек лик Богоматери.

Что это? Чудо? Не знаю...

Что мы вообще знаем о чудесах?

11 мая 1994 года. Вознесенье

САЛЮТ БОРИСУ НИКОЛАЕВИЧУ

Завершился визит Бориса Николаевича Ельцина в Германию. Взамен на поддержку включения России в семерку ведущих стран мира Борис Николаевич подписал обязательство досрочно, к 31 августа 1994 года, вывести из Германии российские войска.

Сделка показалась Борису Николаевичу столь удачной, что он вырвал у дирижера палочку и принялся самостоятельно дирижировать оркестром.

Hy, а сегодня устроили салют и на Родине, на складах Тихоокеанского флота.

С 13.00 в течение двух часов гремели эти салюты у поселка Смоляниново в 50 километрах от Владивостока.

Взлетело на воздух 1600 тонн фугасных бомб, ракет, мин и снарядов.

14 мая 1994 года. Санкт-Петербург

ЛНИ ЗАБЫТЫХ ГЛУХАРЕЙ

Надо собирать вещи для Москвы, но во что бы то ни стало решил закончить повесть про Николая Олейникова.

И закончил, закончил повесть.

И сразу придумалось и название: «Дни забытых глухарей».

Писалось легко....

15 мая 1994 года. Санкт-Петербург

ПОГОРЕЛЬЦЫ

Был сегодня на конференции во дворце Белосельских-Белозерских.

Хороший доклад прочитал митрополит Иоанн (Снычев). Он объяснял, что двигаться вперед — значит развиваться в духовном отношении, говорил, что русский язык пронизан молитвой.

Когда он уходил, мы с Олегом Чупровым подошли к нему.

- Владыка! сказал Олег. Мы газету писательскую начали издавать. Хотелось бы интервью с вами для первого номера...
- Нет-нет... не останавливаясь, ответил митрополит. Сейчас времени нет.

Я бы на этом и прекратил натиск, но Чупров оказался упорнее.

Владыка! У нас писательский дом сгорел,
 не отставая от митрополита, укорил он.
 Мы погорельцы, а погорельцам, владыка, помогать надо!

И остановился митрополит Иоанн.

- Погорельцы, значит? спросил он и зачем-то посмотрел на меня.
- Погорельцы... с чистой совестью подтвердил я.

Митрополит Иоанн вздохнул и, как часто бывало с ним, жертвуя своим временем, остановился и начал наговаривать интервью для нашей никому не ведомой газетки...

- Я обращаюсь к русским писателям со словом увещевания, чтобы в своих творческих писаниях, в литературе изображали они реальность происходящего и давали бы осмысление всего происходящего, говорил владыка. Надо больше показывать в произведениях ваших положительные стороны жизни народа русского для объединения всех православных и неправославных народов, живущих на территории нашей огромной страны, которая, верю в это, будет едина...
- Но ведь раскол, к сожалению, происходит на глазах...
- Раскол, увы, неизбежен. Почему? Потому, что много зла приносят правящие наши. С верой

в Бога, в слово Истины надо бороться со злом...

- Потому, Владыко, мы, группа русских писателей, живущих в городе, и решили издавать свою газету — чтобы донести до читателя это слово истины...
- Дай Бог! Ведь ныне многая печать изолгалась для неё не стало ничего святого и досточтимого, кроме своего лукавого пера. Пусть газета ваша живет и пишет по законам справедливости, то есть законам Божьим. Хочу только добавить нельзя учредить Святую Русь ни указом, ни постановлением, ни на конференции, ни на съезде. Её можно только вымолить с покаянием и смирением. Только в таком случае сумеем мы удалить из нашей жизни отраву богоборчества, отличить друзей от врагов...

Слова владыки, что нельзя учредить Святую Русь ни указом, ни постановлением, ни на конференции, ни на съезде, что Святую Русь можно только вымолить с покаянием и смирением — дорогого стоят.

Они для всех нас, для всей России...

24 мая 1994 года. Санкт-Петербург

СОВРЕМЕННЫЙ АПОКАЛИПСИС

Сегодня во Владивосток прибыл Александр Исаевич Солженицын.

Похоже, что пункт прибытия выбирался с большим подтекстом.

«И видел я иного Ангела, восходящего от востока солнца и имеющего печать Бога живаго. И воскликнул он громким голосом к четырем Ангелам, которым дано вредить земле и морю, говоря: не делайте вреда ни земле, ни морю, ни деревам, доколе не положим печати на челах рабов Бога нашего», — сказано в Откровении святого Иоанна Богослова.

Помимо апокалипсической символики, прибытие в Россию через Владивосток имело и практический смысл. Перед въездом в Первопрестольную и приемом отчета у Бориса Николаевича Ельцина Александр Исаевич, должно быть, хотел осмотреть территории сокрушенной Империи зла, хотел своими глазами увидеть плоды своей многолетней работы.

И вот надо же, чтобы именно в этот день чеченцы захватили на трассе Владикавказ — Ставрополь автобус с детьми и потребовали десять миллионов долларов, оружие, наркоти-

ки. В противном случае, — пообещали они, — каждый час будут выбрасывать по одной отрезанной детской голове.

Совпадение, разумеется, случайное, но знаковое.

26 мая 1994 года. Санкт-Петербург

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ

По утрам пишу очерк «Православный путь», а днем, после обеда, веду светскую жизнь. Сеголня тоже.

Ходил на правление нашего отделения Союза писателей в Инженерный замок. Там же была устроена презентация нашего альманаха «Сгоревший дом».

Потом, как и положено у светских людей, пьянка, конечно.

Евгений Кутузов, Володя Алексеев, Андрей Ребров, Владимир Скворцов...

Пили без закуски.

1 июня 1994 года. Санкт-Петербург

ПИСАТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Вышел тираж газеты «Писательский дом», которую мы сделали с Олегом Чупровым. Успелитаки выпустить к съезду писателей России.

Ездил с Николаем Тамби забирать журналы в закрывающейся библиотеке.

Всё интересное там уже разобрали, остались только номера журналов «Наш современник», «Москва», «Знамя» и «Октябрь» за семидесятые годы.

Какое-то странное впечатление...

Вроде бы в эти годы я уже и сам писал, и в Литературном институте учился, а фамилии авторов в журналах совершенно незнакомые.

Все равно загрузили весь багажник. Жалко стало, что эти журналы выбросят на помойку. Ну и заодно захотелось посмотреть, что писали советские писатели, которых мы не читали...

Потом заехали к Чупрову за газетой и поехали в баню, к Колиному приятелю-банщику.

Надо бросать пить. Пить сейчас противно. Вопервых — дорого, во-вторых — рисково, никогда не знаешь, что пьешь.

Ну а главное — жалко времени.

8 июня 1994 года. Санкт-Петербург

ГОЛУБИНЫЕ СЛЁЗЫ ИЛЬИЧА

Вознесение Господне...

Ездили с Андреем Ребровым в Кронштадт к Борису Орлову и моему крестнику Сергею Кошелеву. Боря — редактор «Морской газеты», заматеревший на берегу кап-два, плечи опущенные, вид немного мешковатый. Зато Сергей — лейтенант. Подтянутый, сосредоточенный. Мечтает уйти в монахи.

Еще запомнился памятник Ленину, что поставлен на бывшей Господской улице, где стояла раньше Андреевская церковь, в которой служил святой праведный отец Иоанн Кронштадтский...

Иоанн Кронштадтский жил в предреволюционные годы, когда ядовитый дух безверия коснулся всего нашего передового, образованного общества. И немало было в те годы шутников, желающих посрамить отца Иоанна, слава о котором уже тогда распространялась во все концы России. Печальным был итог этих шуток для затеявших их людей. Со слезами раскаяния отмаливали они свой грех...

Но так было при жизни святого Иоанна Кронштадтского.

Вскоре после революции сама память о нём была запрещена большевиками, а Андреевскую церковь, в которой служил батюшка, вообще снесли.

Сейчас здесь, на том самом месте, где находился раньше алтарь, и встал Владимир Ильич, сжимая в чугунной руке какой-то чугунный свиток.

Может быть, в этом свитке перечень храмов, подлежащих в первую очередь сносу, а может, список священников, которых надобно расстрелять. Но это уже не узнать. Неразличимою чернотой затянуло знаки страшного свитка...

И Ленин, тоже весь черный, стоит над залитой солнцем кронштадтской улицей, и только по черным щекам белыми полосками стекают струйки голубиного помета.

Как слезы...

Голубиные слезы Ильича...

9 июня 1994 года. Кронштадт

СЪЕЗД ПИСАТЕЛЕЙ

Вчера — съездовская толкотня в гостинице «Россия». Сегодня начался сам съезд Союза писателей.

Проходил в помещении Союза писателей

России на Комсомольском проспекте. В зал невозможно войти. Все проходы забиты. Духота невообразимая.

В этой духоте и снимали Юрия Васильевича Бондарева.

Как ему не хотелось уходить!

И от этого еще душнее было в пропахшем потом и злым возбуждением зале...

Большую часть времени я просидел внизу, в помещении приемной комиссии.

Пил водку с Николаем Ивановичем Тряпкиным и слушал его стихи.

Одно из них:

Все на земле рождается, И все на земле кончается, И то, что было осмысленно, В бессмыслицу превращается... И если мы все рождаемся, И с волей своей не справляемся, — Зачем же тогда к посмешищу Мы заново устремляемся?

 показалось мне особенно подходящим к нашему сборищу.

14 июня 1994 года. Москва

ГРАМОТА

Съезд, однако, идет своим чередом...

Вчера получил с утра 50% в «Эллис Лаке» за свою «Вологодскую трагедию»...

Потом вместе с Сергеем Носовым заключили договор на наш «Хронограф». Издатели приехали прямо на Комсомольский проспект, и мы на глазах у всей писательской братии и подписывали договоры.

Еще мне передали несколько писем, которые пришли в редакцию «Роман-газеты» по поводу моей повести «Путник на краю поля».

Одно из них аж с самой Камчатки!

«Уважаемый Николай Михайлович, огромное Вам спасибо за Вашу прекрасную повесть о Н.Рубцове. До нашего северного края не быстро доходят столичные издания, и повесть Ваша как подарок, как радость в скучной серой жизни. Книг вроде бы сейчас издается много, но так редко выпадает удача откопать действительно что-то стоящее...

Жаль и горько, что мимо нас прошел такой по-

эт, до недавнего времени и стихов-то его не слышали, не читали, особенно здесь, в провинции. Ну, может, слышали песню, которую пел, кажется, Барыкин «Я буду долго гнать велосипед...». И все. А ведь его «Видения на холме» — это шедевр, это такая Поэзия, которая не поддается никакому определению или сравнению. Сравнивают его с Есениным... Нет, нет, при чем здесь Есенин... Есенин никогда не поднимался до такой высоты. Николай Рубцов не сравним ни с кем.

Еще раз большое Вам спасибо за Вашу повесть. Всего Вам доброго. Валентина Орлова, поселок Корор, Камчатская область».

Ну вот... Еще, можно сказать, и грамоту получил.

15 июня 1994 года, Москва

В ЗАБОТАХ О РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЛИТЕРАТУРЕ

Весь июнь прошел в общественных делах.

Ездили в Москву на съезд писателей России. Организовали в Санкт-Петербурге Православное общество писателей.

Все это, так сказать, в духе месяца...

Ведь весь июнь мы наблюдаем, как, подобно свету с востока, приближается к Москве Александр Исаевич Солженицын.

Писательский дух сделался столь сильным, что даже министр иностранных дел Андрей Козырев озаботился русским языком. Он подписал документы о присоединении России к программе НАТО «Партнерство во имя мира» и как о самой большой своей удаче объявил, что ему удалось настоять, чтобы один из экземпляров соглашения был составлен на русском языке.

В этих совместных заботах о литературе и о русском языке как-то и позабыли все, что 30 июня завершается-таки чековая приватизация...

Господину Чубайсу, похоже, удалось разделить между своими людьми всенародное достояние. Это, конечно, совершенно не по-русски, но с другой стороны, понятно, что только у нас в России и могло случиться такое!

25 июня 1994 года. Санкт-Петербург

НАШ БЕДНЫЙ ОБГОРЕВШИЙ ДОМ

Вчера оформил командировку в «Санкт-Петербургских ведомостях», потом записывал разные пустяки, разбирал бумаги.

Играл в шахматы с Василием Ивановичем, вел какие-то разговоры и вот так ясно увидел план «Чужого» — повести, которую надо сейчас писать.

И про «Город Рельсовск» думал. Его, конечно, надо переписать заново. Это должно быть написано или блестяще, или никак.

Вечером отправился в Вознесенье писать об Одёрышеве.

Первый раз я приезжаю так в Вознесенье... Наш белный обгоревший дом...

27 июня 1994 года. Вознесенье

ДУХОВНОЕ ТОМЛЕНИЕ

- Такой хороший поселок был, такой тихий... А как церковь взорвали, и началось не знаю что! И люди пропадать стали, и стога гореть, а сейчас и вообще...
- Дак раньше-то и помидоры с огурцами росли прямо на грядах, а сейчас и в парнике неизвестно что вырастет!
- А ветры? Ты гляди, какие ветры шальные в этом году к поселку привязались! И дуют, и дуют. Когда это было, чтобы летом на лодке через реку не переехать?

Я слушал этот разговор женщин на переправе и думал, как легко сдвигаются сроки в этом разговоре.

Взорвана церковь была в шестидесятые годы, а поругана и осквернена — еще до войны. Ведь это тогда обрушили кресты с купола, и, казалось бы, с того момента и нужно отсчитывать напасти.

Но с другой стороны, никакого лукавства в этом смещении сроков не было.

Хотя и поруган был храм, но он продолжал возноситься над рекой, создавая пусть и обманчивую — без присмотра он стремительно разрушался! — иллюзию возможности возвращения к первоначальному состоянию.

Этими надеждами и жили, дескать, придет время и все как-нибудь да наладится само собой, и снова поплывёт над Свирью колокольный звон...

После взрыва церкви исчезла и эта иллюзорная надежда. Некоторое время еще напоминала о храме груда развалин, но скоро и она затянулась травой.

Разрушили тогда не храм.

Разрушили надежду.

И это оказалось еще более страшным. Ка-

жется, сразу начала меняться к худшему жизнь. Какое-то беспредельное окаянство стало прорываться в поступках людей.

Однажды отправилась молодая чета за клюквой на болото. Взяли с собой и престарелую мать и позабыли ее на болоте. Нашли старушку, вернее ее косточки, только весной...

Несть числа подобным историям, которые только в духовной пустыне и могли происходить. И тридцать лет жили уже без напоминания о церкви. Даже сама память о храме начала исчезать.

Помню, как рассказывал я моей шестилетней племяннице про Ленинград, куда она собиралась первый раз поехать.

- Музеев там много, говорил я. Церкви красивые.
 - А что такое церкви? спросила девочка.

Устами ребенка говорила тогда, кажется, сама одичавшая душа поселка...

Но хотя и нарастало окаянство, хотя и совершались порою все более дикие преступления — о храме никто, кроме старушек, не горевал. Осознание невосполнимости утраты пришло только в последние годы, когда повсюду стали открываться храмы, когда верить в Бога стало не только душеспасительным, но и престижным делом.

И теперь, когда и вознесенцы начали ощущать себя обокраденными, отсутствие храма начало осознаваться как источник нравственных и духовных катаклизмов.

27 июня 1994 года. Вознесенье

<u>САМОЗВАНЕЦ</u>

Как раз незадолго до моего приезда местная газета «Свирские огни» опубликовала обращение настоятеля Воскресенской церкви в Важинах отца Михаила.

- «В последнее время появились некие самозванцы, собирающие подписи на построение храма или часовни в городе. Довожу до вашего сведения, что благословения на это нет как епархиального, так и моего личного.
- В г. Подпорожье объявился и вводит людей в соблазн и недоразумение человек, прикрывающийся монашеской мантией и называющий себя отцом Серафимом. В действительности это Александр Одерышев, проживающий в поселке Вознесенье, к сану священника, а также и мо-

нашества не имеющий никакого отношения».

Заметка эта заинтересовала меня.

Самозванством сейчас в России, конечно, трудно кого-либо удивить, но это в миру, где представления о нравственных ценностях нынче настолько размыты, что уже и не удивляет никого, что вчерашний секретарь обкома Б.Н. Ельцин запрещает КПСС, а здесь, в Подпорожье, неутомимый борец с пьянством вчерашний секретарь райкома партии открывает первый в городе частный водочный магазин.

Церковный мир — другое.

Хотя, прежде чем посвятить в сан диакона или священника, и собираются о человеке необходимые справки, но само посвящение, та благодать, которая дается посвященному, исходит ведь не от епископа, производящего таинство, а свыше...

И самозванство тут вызов не только несовершенным земным порядкам, но и самому Богу. Понятно, что толкнуть человека на это может только духовное одичание.

Но это с одной стороны, а с другой — Одёрышев появился как ответ на духовное томление, на смутные и неясные устремления о восстановлении здешней церкви...

28 июня 1994 года. Вознесенье

ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

И в прежние времена немало было в поселке спившихся мужиков, проводящих дни в беспрерывных поисках денег на выпивку, но теперь их стало еще больше.

Три дня как приехал, а уже идут и идут во двор мужики.

Ягоды предлагают, доски, грибы, шифер... Но это для начала разговора. Главный же разговор — дальше!

Это я тебе, хозяин, завтра всё сполна принесу. А сейчас — выручи. На бутылку не хватает. Добавь в счет авансу.

Правда, новые времена внесли свои коррективы в поведение этих выпивох.

Теперь уже на бутылку редко просят. Теперь еда сравнялась в цене с выпивкой, и теперь просят на еду, так жалостливей получается.

- Дай, хозяин, на хлеб, в счет аванса. Выручи.
- На хлеб?!
- Ага... Уже поставили уху вариться, а хлеба не куплено. Выручай!

Если учесть, что в поселке уху без выпивки рыбным супом называют, то понятно становится — на какой хлеб денег просят.

На самый нынче насущный хлеб...

29 июня 1994 года. Вознесенье

КАЛИТКА НА ЗАМКЕ

Я помню времена, когда хозяева, уходя из дома, не закрывали двери, а только подпирали их батожком или поленом.

 Чего закрывать-то? – говорила соседская старушка. – И так ведь видно, что никого нет. А замок денег стоит!

Но это было давно. Теперь, если и ненадолго выходит хозяин, обязательно закроет двери на ключ

А недавно возвращался из «молодежки» — квартала каменных домов, что выросли за последние годы на пустыре, у леса — и, сокращая путь, решил пройти через пустырь. Я рассчитывал воспользоваться соседской калиткой, однако, когда подошел туда, увидел на калитке тяжелый замок. Пришлось возвращаться назад и идти вокруг, по переулку.

- Ну а как же иначе? ответила соседка, дочка той самой старушки, что обходилась батожком вместо замка. Теперь и огороды запирать приходится. У Егоровых прошлой осенью всю картошку выкопали. И у Свиридовых. А у Клавдии Петровны, так и ту, что посадила, ночью унесли.
- Ну, если заберутся в огород, то и без калитки унесут что надо! сказал я. Долго ли через забор перепрыгнуть?
- Верно, конечно... вздохнула соседка. Не закроешь, конечно, огород. А всё равно, когда висит замок на калитке, видят, что не надо лезти!

И так она сказала, что показалось мне, будто ее мать слышу — старушку, рассказывавшую про батожок, которым она подпирала дверь. Та же интонация, те же слова, а главное — та же надежда и вера в чужую совесть.

30 июня 1994 года. Вознесенье

НАДРЫВНАЯ МЕЛОДИЯ БАЯНА

Меня всегда занимало, что у нас, в посёлке, словно и не было времени.

Где-то далеко в Москве умирали генсеки, со-

бирались съезды, устраивались перевороты, а здесь, в посёлке, всё оставалось по-прежнему.

Здесь жил народ.

Но вот и у нас начались перемены, когда стала вымирать Россия...

- Не стучите... сказала из-за забора соседка.
- Всё равно не услышат. Нету там теперь никого.
 - A где же все? удивился я.
- Откуда же я знаю где... вздохнула соседка.
- Баяна в прошлом месяце купили и померли.
 - Как померли?! Какого еще баяна?!!
- Ну, «Рояля», значит, или не знаю как там он у вас называется... В общем, выпили и прибрались.
 - И мать?! Она же непьющая была...
- Дак непьющей и померла. А как муж с сыном опились, так она тоже на сороковой день, сколько оставалось баяна в бутылке, выпила. Так и отравилась вслед за своими!

Господи! Сколько раз за последние месяцы сталкиваюсь я с этим — встретились, выпили, отравились — печальным сюжетом. Меняются имена, местности, обстоятельства, но сюжет повторяется в точности.

И каждый раз обмирает сердце от этой тоскливой мелодии смерти...

И чудится, будто это подвыпивший Борис Николаевич уселся с баяном у кремлевской стены и тянет, тянет один и тот же бесконечный напев и далеко-далеко, во все уголки России, несутся его страшные смертные звуки!

30 июня 1994 года. Вознесенье

ТЕПЕРЬ...

Искал столяра, чтобы заказать рамы, но сколько ни ходил, никак не удавалось договориться...

— Сделать-то не хитрое дело... — отвечали мне мастера. — Только где? Дома мастерской нет, а на завод в столярку не пустят с такой работой. На пенсии мы теперь.

И такая грусть, такая тоска в глазах, что и сам позабудешь о своей заботе, одно желание — как бы утешить этих огорченных мужиков.

- Уходить не надо было, говорю. Теперь ведь пенсия сохраняется, если работаешь... Не то что в прежние времена.
- Это точно, что сохраняется... тоскливо соглашаются мужики. Только теперь семеро за заводскими воротами стоят, ждут, когда на пенсию

выйдешь и место освободишь. Нет, не прежние времена теперь.

1 июля 1994 года. Вознесенье

СЛАВА БОГУ, СНИКЕРСЫ ПРИВЕЗЛИ

Магазинов в посёлке теперь стало больше, и если водку нужно купить, сигареты или жвачка, например, какая-нибудь потребуется, то с этим никаких проблем нет в любое время суток. И шоколадки разные тоже можно приобрести. И «Марсы», и «Баунти».

Зато вот молоко редко завозят. А про сметану жители поселка и забыли совсем. В местном совхозе коров ещё в прошлом году под нож пустили, а завозить молочные продукты из других краёв больно накладно получается.

- Нету молока-то? спрашивает в магазине старушка. — А я видела, у вас машина стояла.
- Не, бабушка, отвечает ей продавщица. —
 Это не молоко... Это сникерсы свежие привезли.
- Ну, и слава богу... вздыхает старушка. –
 Слава богу, что хоть сникерсы пока возят...

2 июля 1994 года. Вознесенье

МАТЬ

Уже неделю как приехал в поселок, но с Одёрышевым встретиться не удаётся. То он служит в Георгиевской церкви в Юксовичах, то в Подпорожье, то куда-то в Ошту уехал.

Каждое утро захожу узнать, почему сегодня опять не удалось застать его.

Возле дома мечется на цепи собака, и ко мне выходит мать Одёрышева — Галина Михайловна.

- Александр Валентинович дома? спрашиваю я.
 - Нет... Уехавши.
 - А куда?
 - Не знаю... Он нам не докладывает.
- А вы не подскажете... Он после школы, кажется, в культпросветучилище учился?
 - Не знаю... Не докладывал он нам.

Впрочем, к концу недели Галина Михайловна попривыкла ко мне, стала разговорчивей.

Постепенно начала выстраиваться биография.

Окончив школу, Александр уехал из поселка, учился в культпросветучилище. Потом работал в Волхове, служил в армии. Отслужив, возвращаться в поселок не стал, устроился где-то в Череповце.

Там и случилась неприятность.

Одёрышев — Галина Михайловна объяснила, что худые люди оклеветали, — попал в заключение. В Вознесенье вернулся четыре года назад. Вернулся человеком глубоко верующим и как бы даже церковнослужителем.

Попытался открыть воскресную церковную школу, но членов поселкового Совета смутило пропахшее «химией» прошлое Одёрышева.

Одёрышев вспылил, затею со школой оставил и вскоре появился в поселке теперь уже в священническом облачении. В этой одежде он приехал однажды в Важинскую церквь, но тамошний батюшка рясу у него отобрал и сжёг в печи.

Он предложил тогда Одёрышеву пожить при церкви. Говорил, что, когда научится службе, можно будет и о посвящении в духовный сан хлопотать.

Почему отказался Одёрышев от этого предложения, неясно. То ли подозревал, что не всё так просто будет с посвящением. То ли характер оказался неуживчивый, по-вознесенскому поперечный. В общем, прямой путь Одёрышев отверг. Решил своей дорогой идти.

О Галине Михайловне Одёрышевой, наверное, можно было бы написать отдельный рассказ или очерк. Избранный сыном путь столь необычен для поселка, что ей до сих пор трудно смириться. Почти плача рассказывала она, как расстроилась, когда увидела сына в монашеском облачении.

«Сашенька... — говорю ему, — чего ж ты наделал, Сашенька?»

А он: «Я, — говорит, — не Сашенька теперь, а отец Серафим...»

И еще горше звучал ее голос, когда вспоминала она о сыновней неустроенности:

— Сейчас-то я его кормлю... А помру, спрашиваю, чего есть будешь? А он: «Ничего, говорит. Бог прокормит».

Но мать есть мать, и тут же, словно бы испугавшись отчаяния, Галина Михайловна сама себя начала утешать:

Так-то оно так, а зато уж и не пьёт он, и не курит...

И тут же снова тяжело «вздохнула, вспоминая о заметке, появившейся в «Свирских огнях»:

Раньше ведь дружил отец Михаил с Сашей...
 Зачем сейчас пишет такое! Хорошо ли это?

Долго мы разговаривали с Галиной Михайловной в тот вечер.

Она то жаловалась на сына, то вдруг начинала хвалить его, и тогда даже какая-то гордость звучала в голосе. Но все время, и когда Галина Михайловна жаловалась, и когда гордилась, говорила так, словно сама себе пыталась и не могла объяснить что-то...

А в соседнем дворе сидел какой-то подвыпивший парень и ухмылялся, поглядывая на нас.

Похоже, не в первый раз он наблюдал эту сцену.

3 июля 1994 года. Вознесенье

НОЧНОЙ ПЕЙЗАЖ

Под окнами дома — большая судоходная река, деревья стоят, склонившись над водою.

А сзади, за сараем, за огородом, заросшим дудкой, — огромный склад-ангар с полукруглыми металлическими стенами, заводская труба с двумя красными огнями вверху, сверкающими из темноты неба, точно какие-то марсианские глаза...

И вот выходишь вечером во двор, поворачиваешься к реке, и кажется порою, что на самом краешке последней человеческой земли живешь.

3 июля 1994 года, Вознесенье

<u>ПРОЖОРЛИВЫЕ «ПОПУГАЙЧИКИ»</u>

Мужики крутые у нас в поселке жили...

Вот типичная поселковая история.

Шилов проверял перемёт Самарина, и Самарин, недолго думая, схватил ружьё, что у него в лодке валялось, и по Шилову засадил. Хорошо, что дробь кучно шла, мимо пролетела.

Шилов, конечно, в штаны наделал, но дело на том не кончилось.

Снова встретились горячие леспромхозовские мужики зимой, на лесной делянке. Шилов был выпивши, заскочил в трелевочный трактор и поехал давить Самарина.

Тот на пень вскочил и стоит. Некуда бежать — снег кругом по пояс.

Слава богу, что застрял в снегу трактор...

Эту историю услышал я на поминках.

Вот такая жизнь...

И из ружья убивали, и трактором давили друг друга, а ничего не могло взять их, никакая напасть. А тут выпили «попугайчиков» и окочурились оба.

Их и хоронили в один день.

Но все равно народу пришло хоронить немного.

Откуда народу быть, если многих леспромхозовских мужиков еще раньше прожорливые «попугайчики» склевали...

4 июля 1994 года. Вознесенье

ВСЯ ЖИЗНЬ В ЭПОХАХ

— Всю жизнь в эпохах живу... — пожаловалась старушка на похоронах. — Эпоха пятилеток была, социализму тогда строили! Я еще не старой была... Потом при Хрущеве коммунизм строить велели. Эпоха, говорили, строителей коммунизма! Теперь вот рынок строим... Тоже эпоха! Нормальной-то жизни я и не видела! А так хотелось бы пожить хоть немного без эпохов этих.

4 июля 1994 года. Вознесенье

ОДЁРЫШЕВ

С Одёрышевым я всё-таки встретился.

В субботу сумел застать его дома.

- Здравствуйте, Александр Валентинович! сказал я, входя в комнату, завешанную современными иконками. Я...
- Вы, наверное, не сюда попали перебил меня бородатый парень в синем, с затрепанными рукавами, свитере. Того, кого вы ищете, здесь нет!
- Простите, отец Серафим поправился я. –
 Я из газеты приехал. Поговорить хотелось бы.

Но и с этой поправкой разговор долго не завязывался.

Александр Валентинович, а ныне «отец Серафим», объяснил мне, что по своему сану с мирской прессой беседовать не может.

Потом он сообщил, что недавно принял постриг... Не здесь, в другой епархии. Теперь он — монах... Почему не в монастыре? Он на приходе постриг принимал. Он — приходской монах. Таких много!

Отвечая на мои вопросы, «отец Серафим» складывал вещи, опять собираясь куда-то уходить. Расстелил на диване женский платок,

аккуратно сложил на нем рясу и начал сворачивать узелок.

— Я ушёл от мира! — говорил он. — Ушёл. Ничего не могу сказать. По истории церквей вам лучше в охрану памятников обратиться.

Ещё рассказал о келейке, которая есть у него.

Там, в пустыньке, уже и келейник его живёт. А он? Он пока здесь. Здесь — паства. Не на кого её оставить.

Когда я спросил, читал ли он заметку отца Михаила в «Свирских огнях», Одёрышев ответил, что мирской прессы не читает. И говорить не хочет, чего там пишут. Впрочем, не удержался и минуту спустя колко заметил, что Артур Рыбка — так звали раньше отца Михаила — может писать что угодно, а ему, монашествующему, надо со смирением переносить все наветы.

Но со смирением у «отца Серафима» тоже пока не всё получалось. Явная, не монашеская ирония сквозила и в его отзыве о местном, вознесенском, приходе.

— Это же в основном хор из клуба... — сказал он. — Им не молитва нужна. Им важно только кто служит!

И получалось, по его словам, что в посёлке только одна верующая и осталась. И — Одёрышев не произнес этого, но так выходило по смыслу! — потому она и верующая, что в него, Одёрышева, еще веру не потеряла.

Разговор затянулся часа на полтора.

Шел он трудно. Полтора часа ходил «отец Серафим» по комнате. Перекладывал какие-то книги. Снова развязывал и завязывал узелок с рясой. И все время, едва только замечал, что разговор налаживается, обрывал его, комкал.

Многое он правильно говорил.

Да, без благословения игумена ни один монах не должен разговаривать с журналистом.

Но это в монастыре, куда человек ушел от мира, где нелепо приставать к нему с суетными вопросами: насчет его пострижения.

С Одёрышевым – другое.

Объявив о принятии пострига, он продолжает жить в поселке. И тут, когда сами священнослужители обличают его в самозванстве, не грех бы и сказать, что совершил постриг там-то и тогдато. И многое встало бы на своё место, рассеялось бы смущение, охватившее вознесенцев после публикации заметки.

Однако Одёрышев все разговоры о своём постриге сразу решительно пресёк.

Ну да...

Есть у монашествующих и такой подвиг — смиренно принимать все поругания на себя и не защищаться, не опровергать клеветы. Одёрышев в разговоре со мной несколько раз ненавязчиво подчеркнул это.

Но ведь есть в этом смирении и искушение. Это искушение гордыней. Находясь в миру, смиренно (смиренно ли?) принимая поругания, Одёрышев и сам ведь вводит в искушение других людей. Не грешно ли поносить праведника, если он действительно праведник?!

Не только то, что доводилось мне читать о монашествующих в святоотеческой литературе, но и то, что читал я о монахах у Лескова, Чехова и Шмелёва, не сходилось с человеком, что, нервничая, ходил по комнате. Не было в Одёрышеве простоты и ясности, а главное — внутреннего покоя.

Уходил я от него с тяжелым чувством, так и не разобравшись: с кем говорил, с монахом ли или, как и в бытность его «священником», самозванием.

Одёрышев вышел проводить меня. Подержал рвущуюся с цепи собаку.

Так с заливающейся лаем собакой и остался он в памяти...

5 июля 1994 года. Вознесенье

ОБРЕТЕНИЕ ХРАМА

И всё-таки иногда кажется, что по-человечески, по-мирскому, я вполне понимаю Одёрышева.

В газете «Свирские огни» я наткнулся на объявление:

«С 13 по 17 июля евангельская миссия Финляндии проводит в Подпорожье у школы №1: ПАЛАТОЧНЫЕ ДУХОВНЫЕ СОБРАНИЯ.

Ежедневно молитвенные собрания, собрания-пробуждения, детские собрания с участием кукольного театра, вечерние молодежные собрания, участвует финский хор. 16 июля крещение верующих в реке Свирь. Приглашаем всех желающих».

Привычное по нынешним временам объявление, но здесь, в Вознесенье, оно больно кольнуло по глазам.

Так мучительно, так немыслимо трудно, по-

рою уродливо искривляясь судьбами подобных Александру Одёрышеву людей, возвращается и в наши края православие, а тут тебе и театр кукольный, и вечерняя дискотека!

И если вспомнить, что в годы войны всё Присвирье было включено в территорию Великой Суоми, то совсем и не такой невинной предстанет эта праздничная экспансия миссионеров.

Когда я думал о вознесенской ситуации, более всего меня смущала мысль, почему попустил Господь, чтобы люди лишились и надежды на создание в здешней местности храма!

И это здесь, на земле, в которой покоятся под спудом мощи Ферапонта Вознесенского, одного из учеников Александра Свирского!

Здесь, где больше года прожил в избе у крестьянина преподобный Филипп, митрополит Московский. Тот самый, которого задушил подушкой Малюта Скуратов, когда он отказался благословить карательный поход Иоанна Грозного на Новгород! Этот чтимый по всей России угодник в бытность свою еще боярином Колычевым, сбежав из родительского дома, останавливался в наших краях на пути в Соловецкий монастырь...

Понятно, что за грехи попущено это, но получается, что и места нет, где можно осознать совершенные грехи и раскаяться в них. Нелепо и мечтать, что при вознесенских доходах удастся собрать деньги на строительство нового храма.

И от этого безвыходность кругом, безнадежность... Но безвыходность эта чисто человеческая. Неисповедимыми путями Господь устраивает все, что необходимо устроить.

Сегодня разговаривал с главой местной администрации Русланом Гириным.

Он рассказывал, что сейчас завершается строительство нового четырехэтажного дома. Первый этаж планировалось отдать под торговые площади, но охотников на них не сыскалось, и поэтому часть помещения приобрел сбербанк, чтобы перевести туда сберкассу. Другую часть хорошо бы занять под узел связи. В прежнем помещении связистам сейчас не очень-то удобно работать.

— Это ведь не для почты и строилось здание, — сказал Руслан Яковлевич. — Это церковь из деревни Консельга. В сорок шестом и перевезли сюда, переделали крышу и разместили тут почту.

И, заметив мое удивление, добавил:

А вы разве не обращали внимания, как построена почта?

Странности архитектуры этого здания я, конечно, замечал, но для меня почта всегда была почтой, и даже и мысли о храмовом происхождении не возникало.

А вот ведь оно как! Храм-то всегда тут в нашем поселке и был, только стоял, спрятавшись.

И ведь как чудесно, что именно когда начала нарастать в поселке тоска по своему храму, так сразу и начинается самоосвобождение его. Вот-вот покинет это помещение сберкасса, а следом и сама почта.

Уже возвращаясь домой, я остановился возле почты-церкви...

И тут меня ждало еще одно открытие, которое можно назвать настоящим чудом... Плотники, перевозившие церковь в поселок после войны, ставили ее именно для почтовых нужд, но поставили почему-то именно так, как и положено ставить храм — алтарём на восток!

Ну, а если сказать, что поставлен этот храм рядом с братской могилой наших солдат, погибших в боях за освобождение Вознесенья от финнов, то о чем же говорить еще? Можно ли усомниться, что именно этот храм и был вымолен святыми, некогда подвизавшимися в Вознесенье?

И именно тогда и открылся он глазам людей, когда дошла с этой церкви-почты весть до небес о той тоске по храму, которую начали ощущать в поселке...

6 июля 1994 года. Вознесенье

БЕСКОРЫСТИЕ БЕСОВ

Закончил очерк «Сотворение храма» и показал его священнику Геннадию Беловолову.

Очерк отцу Геннадию понравился, но он посоветовал резче написать об Александре Одёрышеве, ведь, по сути, это настоящий мошенник.

Я сказал, что всё-таки как-то не поворачивается у меня язык назвать монаха Серафима мошенником.

- Почему же? спросил отец Геннадий.
- Ну, во-первых, объяснил я, похоже, что никакой прибыли Одёрышев от своего самозванства не имеет. Во-вторых, трудно даже представить, какие унижения и насмешки приходится сносить ему сейчас. Но ведь ни-

щенствует, а не отступает! И брань сносит, и насмешки, а продолжает исполнять дело, которое самовольно взял на себя. Твердость характера — удивительная.

— Бесы тоже жалованья не получают... — ответил отец Геннадий. — Тоже, если так рассуждать, бескорыстно трудятся.

10 июля 1994 года. Санкт-Петербург

<u>ЕЛЬЦИН</u> КАК ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ КАТАСТРОФА

Выборы президентов Украины и Белоруссии. На Украине президентом стал Леонид Кучма, в Белоруссии Александр Лукашенко.

Из беловежской тройки, подписавшей смертный приговор СССР, только наш Ельцин и остался у власти.

Об этом еще одна новость июля.

На заседании Межведомственной комиссии Совета Безопасности РФ подведен грустный итог: демографическая катастрофа в России стала фактом.

Только за 1993 год продолжительность жизни мужчин уменьшилась на 3,6 года и составляет теперь 59 лет, не достигая пенсионного возраста.

Ежегодно население страны убывает на 500 тысяч.

Это цена, которую платит Россия и каждый из ее граждан за продолжение президентства Елыпина.

12 июля 1994 года. Санкт-Петербург

КОГДА КУРИЦА КЛЮНЕТ

Получил сегодня письмо от поэтессы Марии Аввакумовой...

«Добралась до Вашего повествования о Николае Рубцове. Думала, что многое знаю о земляке, но читала Вашу повесть и многое узнала впервые. Кроме того, Ваш талант психолога (Вы многое знаете о существе поэта) углубляет чтение.

Но я собственно даже не по этому поводу. Будучи на съезде, я случайно познакомилась — Оля Фокина «пособила» — с нашим земляком А.А. Мигуновым. Он организовал нам с Олей обед внизу, в буфете, где мы с удовольствием

съели по куску курицы. Курицу я ела, наверное, впервые за два года, начиная отсчет с гайдаровского обвала, и она мне показалась очень вкусной.

И вдруг, читая Вас, обнаруживаю, что нас угощал тот самый Мигунов, с которого по сути и начались большие неустройства у Николая Рубцова!

Курица оказалась весьма коварной птицей — клюнула спустя месяц, даже с того света».

15 июля 1994 года. Санкт-Петербург

Глава седьмая ОБРАЗ РОДИНЫ

ВСТРЕЧА А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Был в Москве.

С утра бегал по делам, а к обеду зашел в редакцию «Нашего современника».

Там уже выпивали.

Я тоже выпил и рассказал новости...

Во-первых, о том, что сегодня праздник Казанской иконы Божией Матери, а во-вторых, о прибытии на Ярославский вокзал поезда с Александром Исаевичем Солженицыным. То есть в Казани в свое время была обретена икона, а сегодня в Москве будет обретен Александр Исаевич. Меня от газеты отправили посмотреть, как произойдет эта встреча.

Мне объяснили, что хотя Александр Исаевич и не икона, но в Москве, понятное дело, встретят его как надо, для него уже приготовлена квартира на Плющихе, в недавно отстроенном для членов правительства доме.

Тем не менее, выпив еще немного, я все-таки поехал на Ярославский вокзал.

Поехал посмотреть на встречу своего тезки и Александр Сегень.

Приехали мы рано.

Хитровато усмехаясь, милиционер сказал нам, что поезд с Солженицыным задерживается...

Тут начался дождь, и, чтобы переждать его, мы спрятались в забегаловке и, конечно, еще выпили, а потом, когда дождь прошел, а поезд все еще не прибыл, купили две бутылки водки в магазине, набрали еды и отправились в скверик дожидаться Солженицына там.

Солженицына там мы, правда, не дождались, но зато рядом с нами устроилась парочка. Он — этакий Леня Голубков с подбитым глазом, она — дама с царапиной на щеке! Они поведали нам горестную повесть об украденных билетах и малых детях, которые, должно быть, плачут голодные, ожидая своих папу и маму.

Чтобы утешить Леню Голубкова и его поцарапанную даму, я налил им немного водки, и водка действительно притушила родительское горе. Наши новые знакомые признались, что вообще-то у них сгорел дом...

Тут и я рассказал о пожаре у себя в вознесенском доме, рассказал об иконке, которая не сгорела, хотя и нашел я ее в груде углей, потом мы вспомнили историю Казанской иконы Божией Матери, которую обрели на пожарище в Казани, еще мы вспомнили, что приехали на вокзал встречать Александра Исаевича Солженицына.

Леня Голубков, моргая подбитым глазом, сказал, что какая-та встреча на Ярославском вокзале уже была...

– Как была?! – удивились мы. – А кого встречали? Солженицына?!

Этого наши собеседники не знали, поцарапанная дама объяснила, что привезла в Москву на лечение ребенка и теперь надо деньги собирать, чтобы врачам заплатить, некогда про Солженицынов думать.

- Все-таки интересно, кто это был, сказал я, Солженицын или другой кто?
- А чего интересного ... ответил мне Леня Голубков. Я понимаю, если бы у вас больше водки не было, можно бы и поинтересоваться... А у вас еще целая бутылка!

Вообще-то, третью бутылку я спрятал в сумку про запас, и как это она ни с того ни с сего явилась на свет, мне было неведомо, но сам ход мысли Лени Голубкова понравился.

Что было дальше, я помню плохо.

Запомнилось только, как наша парочка рассказывала, что едут они хоронить мать, а билет украли, вот и застряли они в Москве, ждут, когда пришлют деньги из дома по телеграфу, но неизвестно теперь, попадут ли на похороны. Не будут ведь на такой жаре дожидаться их...

Сердце не камень.

Не смог Сегень допустить, чтобы Леня Голубков с подбитым глазом опоздал на похороны своей мамы. Брошенных детей перенес, дом сгоревший перетерпел, а маму нет... Маму он не выдержал, дал Лене денег на билеты, тем более что поцарапанная дама стребовала у него адрес, по которому собиралась вернуть деньги телеграфным переводом.

Потом Леня Голубков со своей спутницей куда-то исчезли, наверное, уехали на похороны, а мы с Сегенем еще выпили, и утром я проснулся уже у него в квартире.

Голова раскалывалась.

Смутно вспоминалась хитроватая усмешка милиционера, объяснявшего, что поезд с Солженицыным задерживается, смутно вспоминались Леня Голубков с подбитым глазом и его спутница с поцарапанной щекой...

Тут только и оставалось облегченно перекреститься.

Слава богу, что так встретили Александра Исаевича.

Могло бы и печальнее кончиться это...

21 июля 1994 года, Москва

КТО НЕДОВОЛЕН?

Ходил сегодня с приятелем в Петропавловскую крепость...

Собчаковские игрища кончились. Но вокруг чисто. Много нарядных людей. Празднично.

Взяли пива, орешков, посидели на берегу...

Разговор обычный, все про то, что тяжело народу, совсем жизни не стало...

— А вообще-то кому тяжело? — неожиданно спросил приятель. — Кто недоволен? Посмотри кругом! Ведь ни одного унылого лица не увидишь! Давай поспорим!

Я не стал спорить.

Есть места в Питере, куда безработные не ходят, поскольку нечего там делать без денег...

26 июля 1994 года. Санкт-Петербург

ПОДБИТЫЙ ГЛАЗ ЛЕНИ ГОЛУБКОВА

Леня Голубков с подбитым глазом, похоже, не случайно явился нам, когда мы встречали Александра Исаевича Солженицына.

Настоящее столпотворение началось у приемных пунктов «МММ»... Рухнула и эта «пирамида», погребая под своими обломками сбережения миллионов россиян.

Запомнилось, как в одной из очередей, в которые выстроились вкладчики, пытающиеся вернуть хоть что-то назад, плакала женщина:

– «МММ» наш единственный шанс выбраться из нищеты. Единственный шанс на достойную жизнь!

После этих слов уже и ругаться не хочется, только завыть от тоски.

Ну, а по телевизору продолжают крутиться рекламы вкладчика «МММ» Лёни Голубкова...

Только глаз у него еще совершенно не подбитый.

28 июля 1994 года. Санкт-Петербург

вознесенский сон

Я в Вознесенье, мы сидим у Нины.

— Мы сейчас съездим в наш дом, — говорит мне кто-то, — а ты, Николай, подожди нас здесь... Стихи попиши. Отдохни с дороги.

Нет уж! Я тоже хочу идти в дом, тем более что это не наш дом, а мой.

Но я не еду с приятелями на машине – куда ехать, если наш дом стоит сразу за забором? – я иду. И вхожу в дом первым.

Где остальные? Не знаю... Кажется, они пошли зачем-то вокруг дома.

Я один в доме, иду по обгоревшим комнатам. Почему-то ночь. Темно.

Я включаю — это непросто сделать — свет.

Я сажусь и вспоминаю, что в этом доме всегда меня охватывает какая-то жуть, стоит только остаться одному.

Но сейчас не страшно. Чего бояться сейчас, если вот-вот появится Марина и вся остальная компания.

Наверное, они будут забираться в окно, раз пошли вокруг дома.

Но окно заколочено изнутри, и я начинаю отдирать доски.

И тут замечаю толпу подростков. Подростки лезут через забор и бегут прямо к окну, возле которого стою я.

При этом они явно не видят меня.

Это странно, потому что на улице тьма, а в доме свет, и это я не могу видеть их, а они должны, должны видеть... Но все наоборот. Подро-

стки лезут в окно, а я им мешаю сделать это.

У подростков возбужденные, очень злые лица. Они лезут, разбивая стекла, и мне страшно, а больше всего я боюсь тех ребят, которые пошли в обход дома и сейчас, я слышу это, входят в коридор...

30 июля 1994 года. Санкт-Петербург

ДЕФИЦИТЫ

Ездил в Москву...

Срочно надо было согласовать правки в повести «Дни забытых глухарей», отдать копии протоколов допросов, которые цитируются в повести.

Саша Кротов, встретив меня, сказал о повести, что это новое слово в литературе.

Это приятно.

На добрые слова сейчас дефицит.

Противно только то, что Кротов, написавший предисловие к повести, фамилию свою не ставит и получается как будто я сам написал этот текст.

Ну, впрочем, на уважительное отношение к автору в наших журналах всегда дефицит был.

И в магазинах, хотя уже столько лет рынок у нас, тоже дефицит...

Утром, дожидаясь, пока откроется редакция, искал для Марины хороший московский шоколал.

Увы...

Все прилавки завалены заграничным барахлом, но прежнего московского шоколада нет.

И не ищите! – сказала продавщица. – Это теперь дефицит...

Уладив все дела, в этот же день вернулся в Питер.

В вагоне из русских, кажется, только я и ехал. Остальные — китайцы.

4 августа 1994 года. Санкт-Петербург

В ВОЗНЕСЕНЬЕ

Все-таки поехали с Колей Тамби в Вознесенье.

Долго искали водку, потом долго купались в Паше.

Паша тихая, теплая.

В Вознесенье приехали поздно. Но все-таки успели бросить перекидушку, подключились к свету и ночевали уже дома.

Уже засыпая, вспомнил про стадо, которое пришло на водопой к Паше и принесло с собою слепней.

Из-за этих слепней и пришлось нам уехать, а так сколько бы еще сидели на берегу реки...

5 августа 1994 года. Вознесенье

РУССКАЯ МЫСЛЬ

В первый же день по приезде — две истории. Трое мужиков поехали в озеро, и все трое потонули.

А еще накануне — муж жену убил, и никто не знает, из-за чего.

В Москве сегодня умер русский писатель Леонид Максимович Леонов.

В романе «Соть» герой его, перед тем как напиться, смотрит на ветку, что без ветра качается за окном, и день смотрит, и другой, и не может понять, почему же она качается...

Это потом Юрий Кузнецов в своих стихах зарифмовал:

Скажи мне, о русская даль, Откуда в тебе начинается Такая родная печаль?.. На дереве ветка качается. День минул, проходит два дня. Без ветра на дереве мечется. И взяло сомненье меня: Мерещится иль не мерещится? Поют, опадая листки... С чего она, право, качается? Пошёл и напился с тоски... Так русская мысль начинается.

Эта русская мысль и в последних поселковых новостях тоже присутствует...

7 августа 1994 года. Вознесенье

<u>НЕНУЖНЫЙ ПАСПОРТ</u>

Безработица... Она сейчас повсюду, но в таких поселках, как наш, безработица особенно страшна. В городе всё-таки всегда можно найти варианты, а здесь, если потерял место, другого уже не будет.

Первыми сделались безработными местные забулдыги. Их и раньше-то не особенно держали, а теперь с ними расстаются уже навсег-

да. Да и чего возиться с ними, если и для непьющих мужиков рабочих мест не хватает?

Положение этих забулдыг самое отчаянное...

С утра до вечера крутятся они, подыскивая шабашку, хотя заработать так можно только на дешевую суррогатную выпивку, а на еду уже не остается ничего.

Но и шабашку сыскать удается немногим. И подворовывают эти мужики, и, конечно, продают из дома последнее. Один даже умудрился продать цыганам собственный дом и теперь скитается по знакомым, ночует где придётся.

В начале июля он и к нам забегал. Пиджак рваный, глаза шальные, с огнем.

- Хозяин! говорит. Дай быстрее тысячу рублей, на хлеб не хватает.
- А почему тысячу?! удивилась жена. Почему не пять?
- Дак мне же только тысячу нужно... растерялся мужик.

И поскольку мы не сразу отказали ему, не проявили должной решительности, мужик тут же усилил натиск.

– Если не верите, я паспорт свой в залог оставлю! – и, сверкнув глазом, он выложил, как последний козырь, паспорт.

Тысячу мы дали, чтобы отвязаться, и паспорт остался лежать на комоде.

А хозяин его пропал.

И бог с ней, с тысячей, лишь бы паспорт забрал.

Но нет... Не приходил...

Мы тогда уехали в город, а вернувшись через месяц, я случайно встретил того мужичка у переправы.

- Паспорт-то забери свой!
- Какой паспорт?! Не надо мне никакого паспорта!
- Как это не надо? Как это без паспорта жить можно?!
- А зачем он? На работу все равно не берут!
 Да и сколько ее, этой жизни, еще осталось?

10 августа 1994 года. Вознесенье

НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ВСТРЕЧА

Пока я живу здесь, в районной газете «Свирские огни» кусками перепечатывают из

«Санкт-Петербургских ведомостей» мой очерк «Обретение храма».

Любопытно, как меняется отношение к очерку и ко мне по мере публикации.

Вчера Николай Федорович Королев передал, что со мною хотела бы встретиться Мохова. И так взволнованно и уважительно передал мне это пожелание, что чего только я не напридумывал, чего только не навоображал. Этакая маниловская картина всеобщей любви и благочестия намечталась.

Сегодня позвонил Моховой.

 Николай Федорович сказал, что вы хотели встретиться?

Несколько мгновений в трубке было молчание, а потом:

- Дак я сегодня ведь прочитала вторую статью в газете...
 - Вот как? Ну и что?
- Дак, наверное, и не надо теперь встречаться. Извините.

Ну, не надо так не надо...

Я пожал плечами и повесил трубку, но все равно паршивый осадок от разговора остался.

Конечно, я не глупый человек, но не глупый — не для себя. Самого себя в реальной ситуации будущего я никогда не умею правильно высчитать. Всегда ошибаюсь в ту или другую сторону.

Но досадно даже не это... Досадно, что не очень получается у нас, в Вознесенье, с обретением храма...

12 августа 1994 года. Вознесенье

СТАРУШЕЧЬЯ ЖАЛОБА

Пришли сегодня две старушки.

– Николай Михайлович, мы вам пожаловаться решили... Помогите, пожалуйста...

Кто я такой, живущий литературным трудом человек, чтобы разбираться в неурядицах поселка, копившихся здесь десятилетиями? Причем разбираться не по-писательски, а практически, конкретно...

Но старушки не желали понимать, что не занимаю я ответственных должностей. Они сразу начали жаловаться, и невозможно было остановить поток больших и малых обид.

Пенсии урезанные... Лекарств не купить... А еще и лечебницу закрывают!

Про пенсии и лекарства я молча слушал, но жалоба насчет больницы меня удивила.

С какой стати ее закрывать?

— Закрывают! — подтвердили старушки. — Наш Щегол-то вепсу ее продал. А тот теперь сауну собирается сделать. На медведей будет приезжать охотиться. Может, задавит его медвель какой?

С нашими старушками говорить одно удовольствие, трудно только разобрать, где они правду говорят, а где смеются. От медведя, которого они якобы знают и который якобы вепса задавить собирается, старушки отперлись сразу, но насчет продажи больницы стояли твердо.

- Продал ее, продал Щегол-то... За много мильёнов, говорят, продал.
- Ну а я-то чем могу помочь? спросил я. Вам к Гирину надо сходить... В Москву жалобу написать!
- Дак чего к Гирину ходить, если он и так все знает!
 - Ну а я что могу сделать?
- Так ведь надо, сынок, что-то делать, нельзя нам без больницы никак!

И тут сдался я.

Пообещал разузнать, что сумею, посулил похлопотать, если смогу что...

Обещание бессвязное получилось и бессмысленное, но старушки ушли успокоенные и даже как будто довольные...

12 августа 1994 года. Вознесенье

ПОЧТАЛЬОНКА

Написал письмо, заклеил в конверт и положил на стол, решив, что отдам его почтальону.

Нам, правда, никакой почты не носят, но соседка выписывает районную газету с телевизионной программкой.

Высматривал я почтальона день, высматривал другой, но так и не увидел. Дня через три прибежала девчонка с полиэтиленовым пакетом, всунула газетку между штакетинками забора и хотела уже уйти, но я остановил ее.

- А почтальонша что? Заболела?
- Почему? удивилась девочка. Я и есть почтальонша.
- В-вы?! удивился я. А где же сумка почтальонская?

— А зачем сумка? Чего носить в ней, если теперь ничего не выписывают.

Но письмо у меня взяла. Засунула в полиэтиленовый пакет с рекламой сигарет «Мальборо» и убежала, помахивая им...

15 августа 1994 года. Вознесенье

КРАСНЫЕ ОГНИ

Красный огонь на мачте проходящего в ночи судна обозначает опасный груз. Ставят такие огни на судах, везущих нефть, нефтепродукты. И раньше, конечно, по Свири немало нефтеналивных судов проходило, но в общем потоке движущихся огней красные как-то не бросались в глаза.

А сегодня долго стоял на берегу и всё не мог поверить своим глазам. Только одни красные огни и проплывали по Свири.

Такое ощущение, что ничего и не возят теперь, кроме нефти.

Это опасно? Наверное... Только никто, кажется, уже и не замечает вереницы красных огней под своими окнами.

Привыкли все, словно так и было всегда.

Словно всегда только нефть и возили у нас в России.

16 августа 1994 года. Вознесенье

ЧУЖОЙ

Каждый раз, когда начинаю работу над мало-мальски серьезной вещью, я испытываю приступ малодушия.

Кажется, что позабыл все наработанные приемы, весь опыт писания прежних книг и каждый раз искренне не понимаю, как надо писать.

Так и с повестью «Чужой», которую пишу сейчас...

Тоже не понимаю, как ее писать.

Не понимаю даже, почему так влечет меня этот материал, что мне в истории несчастного урки...

20 августа 1994 года. Вознесенье

В ПУСТОМ ПАРКЕ

Парк казался безлюдным и заброшенным.

Поскрипывая, слегка поворачивалась под ветром пустая карусель. За черными ветвями

деревьев, на игровой площадке, пытался взлететь самолет. Звезды на его крыльях совсем выцвели, под сиденьями, в корпусе самолета, стояла дождевая вода, в воде плавал мусор — обломки веток, листья.

И словно во сне, почти сразу за игровой площадкой — старинные надгробья. На ржавом саркофаге я с трудом разобрал буквы — камергер великого князя...

А чуть дальше — чей-то дом.

Возле ворот — груда сапожных колодок. Наверное, привезли, чтобы топить печку. Но людей и здесь нет, и здесь пусто и тихо, как будто во сне.

Как во сне, откуда-то из-за кустов вышла неряшливо одетая старуха.

Я заметил ее, когда — «Дядечка!» — окликнула она меня.

Конечно, в сорок пять лет уже не всегда ощущаешь себя молодым человеком, но и в дядечки этой старой женщине я тоже явно не подходил.

- − Вы меня?! − спросил я.
- Дайте, пожалуйста, хлебушка, дядечка! попросила женщина. С утра не ела.

Странным — каким-то пустым и безжизненным был ее взгляд. Я вытащил из кармана какие-то мелкие деньги и протянул старухе.

 Спасибо, дядечка... – сказала она и, держа в руках бумажки, пропала за ржавым саркофагом камергера великого князя.

Не двигаясь, я смотрел вслед.

Зря вы Верке денег дали! – раздался рядом голос.

Я обернулся. Голос принадлежал женщине, что вышла с пустым ведром из дома. Остановившись возле груды сапожных колодок, она нагнулась и принялась наполнять ведро. Резко в этой тишине грохотали колодки, ударяясь о ведерную жесть.

- Почему зря? несколько озадаченно спросил я.
- Зря! ответила женщина. Всё равно отберут у неё деньги.
- Было бы отбирать-то что... возразил я. –
 Там всего на буханку хлеба и будет.
- Всё равно отберут... сказала женщина.
 Она уже наполнила ведро и сейчас выпрямилась. Я же знаю. Верка соседка наша. Ни

разу еще не сходила в магазин, чтобы не отобрали денег.

- − Ну а как же тогда живет она?! − удивился я.
- А так и живет. Она ведь недавно одна осталась. Раньше-то с мужем жила, со свекровью...
 - A они что, уехали куда?
 - Ага... На тот свет уехали...

И, по-прежнему глядя куда-то мимо меня, женщина рассказала, как приехал к соседке на побывку из армии второй сын, на радостях решили выпить, сходили в магазин за водкой, выпили хорошенько и к утру все трое — оба сына и мать — померли. Отравленной оказалась водка! Ну а Вера на шестом месяце была, не пила... Потом только с горя ребенка мертвого скинула...

- Первые-то недели думали, отойдет она, вздохнула женщина. А сейчас не знаем и делать что. Надо бы в лечебницу психиатрическую сдать, да и там, видно, теперь мест нет...
 - А дети? Дети-то остались ведь?
 - Какие дети, если только замуж и вышла...
 Я покрутил головой.
 - Сколько же ей лет тогда?!
- Да двадцати еще нет... ответила женщина и, подхватив ведро с колодками, пошла к дому.

Двинулся дальше и я.

Темнели за черными ветвями деревьев надгробья старинного кладбища, поскрипывала под ветром на игровой площадке карусель, самолет с выцветшими на крыльях звездами все пытался взлететь в хмурое небо.

Парк был пустым. Людей нигде не было...

Как будто в страшном сне, который никак не кончается в нашей России...

28 августа 1994 года. Санкт-Петербург

АРХИЕРЕЙСКАЯ СЛУЖБА

Ездил с Андреем Ребровым в Спасо-Парголовскую церковь, где сегодня служил митрополит Иоанн.

В церкви — гроб. Крышка его стоит на улице, рядом, на металлической стойке, кувыркаются дети.

Только в церкви и бывает так.

Все рядом...

Отдал Анатолию Трохину проект устава

Православного общества писателей Санкт-Петербурга и поехал домой.

Дописал рассказ «Ночной дождь».

29 августа 1994 года. Санкт-Петербург

МАТЕРЩИННИЦА

С утра перебирал бумаги. Надо садиться за работу. Только вначале нужно все-таки понять, что я еще хочу написать...

В Берлине — встреча Б.Н. Ельцина с Г. Колем, которой завершились торжества, посвященные выводу российских войск из Германии. В Чечне — столкновение группировки Б.Гонтемирова с народным ополчением в Урус-Мартановском районе.

Встречался с Виктором Булавиным в сквере перед Русским музеем, где торгуют матрешками и майками с надписью «СССР». Отдал ему тексты, получил деньги.

Потом пошел в Дом культуры железнодорожников на встречу с Анатолием Ивановичем Лукьяновым и Геннадием Андреевичем Зюгановым.

Вечером написал рассказ «Матерщинница». 1 сентября 1994 года. Санкт-Петербург

ПОСЛЕДНЯЯ НАДЕЖДА

Вот и завершилась эпоха...

Торжественно встречали выведенные из Германии российские войска в Москве. Говорят, что кроме оркестров и речей правительство ничего не успело подготовить для войск. Большая часть самых боеспособных соединений нашей армии будет расформирована.

Да и зачем нам боеспособные войска, если на полигоне в Тоцком начались совместные американо-российские учения «Миротворец-94».

И как-то так совпало, что одновременно началось восстановление храма Христа Спасителя в Москве.

Другой надежды на защиту у нас уже не осталось...

5 сентября 1994 года. Санкт-Петербург

ЗАБОТЛИВЫЙ ОТЕЦ

— Наша Мурка чемпион! — рассказывала семилетняя Оля, вернувшаяся из деревни с каникул. — Она в деревне мышку поймала, вот!

- А почему чемпион?! удивился я. Поймала и поймала. Кошкам и положено мышей ловить...
- Не, дядя... сказала Оля. Ты ничего не понимаешь. Там деревенские коты мышей не ловят. У них зубов нет!
 - Где же они свои зубы потеряли?
- А у них вообще не растут они. Только у нашей Мурки, которую мы привезли, оказались. Она и поймала мышку...
- Это же чернобыльская зона, заметив мой недоуменный взгляд, пояснил Олин отец.Радиация там...

Он сидел за столом и толстыми ломтями нарезал к обеду присланное из деревни сало.

- Ну вот! удовлетворенно оглядывая стол, сказал он. Можно, пожалуй, и обедать садиться. А ты, Оля, чего? Руки уже помыла?
 - Ну, я же мыла их недавно...
- Нет! строго сказал заботливый отец. Перед едой, дочка, всегда руки мыть надо. Заболеть можно иначе.

7 сентября 1994 года. Санкт-Петербург

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Сегодня мне передали письмо из канцелярии митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского по поводу нашего Православного общества писателей Санкт-Петербурга.

В нем сказано:

«Канцелярия митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского сообщает резолюцию Высокопреосвященнейшего митрополита Иоанна, положенную на Вашем обращении и Уставе:

«Устав рассмотрел. Деятельность Общества благословляю. Духовным руководителем назначаю о. Константина Смирнова — настоятеля Спасо-Нерукотворенного храма, что на Конюшенной площади. 3.IX-94. Митрополит Иоанн».

10 сентября 1994 года. Санкт-Петербург

ВОЗЛЕ СВЯТОГО КАМНЯ

Поехал в Ежовку.

Злесь все, как в России...

Если по карте смотреть, рядом деревня, но добираться до нее дольше и труднее, чем до Японии... С Николаем Тамби мы целый день

ехали на машине и все равно на ночь застряли на берегу Плюссы — снесло мост.

Какой мост?! – объясняли нам потом. – В этом годе и не ставили его.

И лодку не докричаться было...

Может, и слышали в деревне, да кто решится в такую темень плыть?

Целый день я наблюдал, как, приближаясь к Ежовке, проще становится лицо Коли, а в речи все чаще мелькают деревенские словечки...

И всю ночь, проведенную потом возле святого камня, Николай рассказывал то о соме, поселившемся под обрывистым берегом Ежовки, то об Илье-пророке, бросающем в Ильин день льдинки в Плюссу, то о русалках, которые до сих пор, говорят, водятся в этих местах...

Он рассказывал о папоротнике, что распускается в купальскую ночь, и лицо его словно бы светилось из полутьмы, отвоеванной у глухой сентябрьской ночи светом костра. В темном небе не видно было, как сгущаются тучи, и только заморосивший холодный дождик загнал нас в машину.

Но и в тесном, вывезенном из городской сутолоки пространстве не погасло воодушевление, не оборвалась таинственная связь с шорохом листьев, с плещущейся рядом темнотой...

До утра сидели мы возле дороги, пропадающей в плещущей темноте, и переправились только на рассвете, когда проступила из сумерек вздувшаяся вода, когда потянулся со станции Добручи народ.

Машину Николай оставил в кустах у большого валуна...

- Не украдут? спросил я.
- Не должны... ответил Николай. Это святой камень. Здесь всегда машины оставляют!

17 сентября 1994 года. Плюсса

ОБРАЗ РОДИНЫ

Главное ощущение, оставшееся от Ежовки, – очень целостный образ Родины...

И раздувшаяся от непогоды Плюсса, и чернеющие на берегу баньки, и сквозящий щелями бескрыший колхозный сарай, и часовня с обломанным над макушкой крестом, и, ко-

нечно, наша избушка в ночь снегопада, словно бы превратившаяся в рождественскую открытку, — все это, хотя и видел я в первый раз, было родным, близким, любимым!

И щемило сердце от беспомощности здешней жизни, не защищена была она ни от трактора, размоловшего в непролазную топь проселок, выбегающий в заросшее елками поле, ни от лихого человека. Как раз перед нами приезжали сюда городские охотники и от скуки перестреляли аистов, уже собирающихся к отлету.

И не постигнуть было, как живет тут народ и отчего еще живет он здесь. Дороги нет, телефона нет и, конечно, ни магазина, ни медпункта — живи как знаешь...

Но ведь живут!

A — главное! — в этой беспомощности, униженности, забытости были какое-то величие и таинственная сила. И, ужасаясь здешнему быту, одновременно завидовал я живущим тут.

Запомнился вечер в избе, где мы ночевали первую ночь...

Было тихо, только из-за цветастой занавески доносился шепот хозяйки, бабки Клаши, ругающейся на своего шестилетнего, не желающего засыпать внука.

- Не шуми! грозилась она. Не то тая старуха, что за стеной живет, услышит.
 - А разве, баба, у нас есть соседка?
- Дак из лесу приходит ведь... отвечала бабка Клаша, и такая убежденность звучала в ее словах, что сразу притих расшалившийся внук.

И вот — стало тихо, только ветер шумел на сарае, только где-то вдалеке жалобно поскрипывал журавель над колодцем...

19 сентября 1994 года. Плюсса

НЕРАЗБУЖЕННЫЕ

- Мама! выглянув из боковой комнаты, спросила девочка с бледным личиком. – А что такое, по телевизору говорят, демократия?
- Так это то, как мы живем, ответила мама. — Это у нас сейчас демократия...
- Это когда кушать нечего, да? сказала девочка и исчезла в боковой комнате, заполненной голосами из телевизора.

А мать тяжело вздохнула.

 Я иногда и не бужу их в школу, — сказала она. — Подумаю, что дать им нечего, и не бужу. Пускай, думаю, спят!

20 сентября 1994 года. Сланцы

ПРОДУКТОВЫЙ НАБОР

В Санкт-Петербург приехали часа в четыре.

Марина сказала, что звонил Афанасьев из «Ведомостей», просил забрать продуктовый набор, который он получил для меня.

Взяли тележку и пошли в редакцию.

У Афанасьева Женя Лукин сидел. Они долго смотрели, как мы укладываем продукты в коробку, как привязываем ее к тележке, потом Афанасьев задумчиво сказал:

- Надо бы тебе чего-нибудь родить...
- Я же командировку жду, когда выпишут. Мы говорили с тобой, что я проеду по Волховскому району по селам, где первое крестьянское восстание произошло. Так сказать, по следам «Новоладожской Вандеи»...
 - Да уже давно выписана командировка...
 - A что же я не знаю об этом?
 - Это я у тебя хотел спросить...

Такой вот разговор.

Видимо, он к продуктовому набору прилагался.

20 сентября 1994 года. Санкт-Петербург

В ЗАЩИТУ ПРОФЕССИИ

Ирэна Сергеева показала сегодня «День поэзии» с двумя моими стихами. Она поставила их в сборнике рядом со стихами Сергея Есенина.

Стихи эти Ирэна сама у меня и попросила. Я сказал тогда, что стихи дам, но платить за публикацию не буду, это против моих правил. Ирэна ответила, что с меня, как и с Глеба Горбовского, денег за публикацию она брать не будет.

Но это она говорила, когда составляла сборник.

А теперь сказала, что вообще-то надо бы заплатить.

- Ирэна! сказал я. Ты знаешь, что у профессиональных литераторов и проституток много общего?
 - А что именно? заинтересовалась Ирэна.
 - Понимаешь, Ирэна... Проститутка, ко-

нечно, может и без денег, по любви, переспать с кем-нибудь, но просить у нее денег за то, что она сделала это, — нонсенс. Так и с профессиональными литераторами... Разрешить печатать без гонорара свое произведение он, конечно, может... Но требовать с него за это деньги нелепо...

- Ну и зачем ты мне это рассказал?
- Да затем, Ирэна, что я живу как профессиональный литератор... Профессия у меня такая!

21 сентября 1994 года. Санкт-Петербург

ДЕТСКИЙ ПРИХОД

Ездил с Петром Кожевниковым в Старую Ладогу, чтобы познакомиться с иеромонахом Евстафием (Жаковым), настоятелем храма Иоанна Предтечи на Малышевой горе.

Чуть больше года прошло, как он пришел сюда, но из мерзости запустения возродился дивный храм. Обустроен и освящен придел Параскевы Пятницы, где и ведется сейчас служба. Приведена в порядок трапезная, идет внутренний ремонт основного храма.

Но главное тут не ремонт храма, не убранство его, а то, что отцу Евстафию удалось отворить дверь в этот храм для увязающих в нищете и бесправии взрослых жителей Старой Ладоги. Более того, он отворил ее и для тех детей, многие из которых — типичная примета России конца второго тысячелетия! — оказались совершенно заброшены своими родителями.

Летним вечером 1993 года, когда уже закончилась по-монастырски неспешная служба и отец Евстафий собирался идти закрывать двери, в храм вбежала пьяная, совершенно избитая тринадцатилетняя девочка...

 Господи! – закричала она, рухнув на каменный пол. – Божья Матерь! Помогите мне!

Потом выяснилось, что девочка с трудом вырвалась из сараев на берегу Волхова, куда ее затащили взрослые рыбаки и попытались изнасиловать.

С того самого вечера, занимаясь строительством и ремонтом, совершая богослужения и разыскивая благотворителей с деньгами, и создает отец Евстафий свой «детский приход».

Он вытаскивает из подвалов заброшенных

староладожских детей, принимает к себе «на работу», приучает к церкви...

— Не важно, как человек приходит в церковь. Пусть дети приходят, чтобы заработать здесь что-то... — говорил он. — Ребенок все равно изменится в церкви. И обязательно — к лучшему.

И далеко не всем прихожанам понравилось это.

— Работали бы на ферме, — возмутилась одна из работающих в церкви женщин, когда я поинтересовался ее отношением к «детскому приходу». — А то возле церкви отираются... Чего ходить-то сюда деньги зарабатывать? Не, не дело это у батюшки затеяно... Мыслимо ли, робят собирать? Милиция на это есть!

И если чудо — возрождение храма в нищем приходе, то создание детского прихода храма Рождества Иоанна Предтечи — двойное чудо.

Удивительно, но теперь детей здесь больше, чем взрослых.

И не только на службе.

Когда завершилась литургия, дети не ушли домой, а собрались в трапезной, уселись за длинные столы.

Удивительная задушевность была в этой церковной трапезе. Пожалуй, только тут и начинаешь понимать, что такое православная семья...

Я не оговорился. Именно образ семьи рисуется в сознании, когда наблюдаешь за жизнью прихода староладожской церкви.

Я познакомился здесь с тремя сестрами. Старшей, Кате, — шестнадцать лет. Средней, Алёне, — четырнадцать. Самая младшая — Галя. Все они поют в церковном хоре и жизни своей без церкви уже не представляют. Девочки устроены учиться в Волховскую музыкальную школу. Учатся в музыкальной школе — за счет церкви — и другие дети.

Некоторые из них – детдомовцы.

Но и они воспитываются и растут возле возрожденной церкви...

24 сентября 1994 года. Старая Ладога

ДРУГИЕ

Как быстро летит время!

Занятые тем, чтобы свести концы с концами, мы забываем и, кажется, уже и не замечаем, как уходит целая эпоха. Уходит безвозвратно...

— Тяжело иногда бывает... — пожаловалась сотрудница музея Волховской ГЭС. — Особенно в залах, где экспозиция семидесятых-восьмидесятых годов. Приходится объяснять детям, кто такие пионеры, кто такие октябрята, кто такие тимуровцы. Они уже не понимают, зачем нужно старикам помогать, они — другие.

Как-то не по себе стало после этих слов.

26 сентября 1994 года. Волхов

НОВОЛАДОЖСКАЯ ВАНДЕЯ

Несколько лет назад, собирая материалы для своей книги «Гибель красных Моисеев», я наткнулся в архиве ФСБ на дело о первом при советской власти крестьянском восстании в Новоладожском уезде.

Командировка, которую я взял от «Санкт-Петербургских ведомостей», с этим делом и была связана. Я отправился в Волховский район, чтобы своими глазами увидеть места, где разворачивались события Новоладожской Вандеи.

Мысль была — разыскать родственников тех людей, голоса которых услышал, перелистывая пожелтевшие страницы протоколов допросов восемнадцатого года.

И как-то странно совпадало все.

Сохранилось и Колчаново, и Хвалово.

И даже прежнее понятие «волость» сменило ставшие привычными сельсоветы. И разговоры здешних жителей, их настроение тоже както неуловимо совпадали с теми, что владели жителями Новоладожского уезда в августе восемнадцатого.

- Душа щемит, выщемливает, столько народу уходит... рассказывал мне бывший директор бывшего совхоза. Всего 1480 жителей в Хваловской волости осталось, а еще три года назад две тысячи только взрослых было...
 - Уехали? спросил я. В Питер, небось?
 - Может, и в Питер... Только не в ваш.
 - А в какой?!
 - Есть у нас тут свой Питер... На кладбище!
 И только одно не сходилось...

Напрасно мы колесили с Юрием Александровичем Сяковым по Хваловской и Колчановской волостям в поисках потомков участ-

ников Новоладожской Вандеи — Петра Завихонова, Сергея Большева, Ивана Бородовского, Михаила Мелескина, братьев Чекуновых, Семена Кравцова, Ивана Колчина, Сергея Вострякова, Семена Гамазина...

— Нет, не слышали про таких! — качали головами мои собеседники. — Цветковы? Цветковы есть, но они приезжие...

Это, конечно, огорчало... Обидно было, что срывается такой превосходный замысел: от прадедов к правнукам, через судьбы нескольких поколений перекинуть мостик из той эпохи в нашу.

И, может быть, из-за этой досады не сразу и сообразил я, что ведь совсем не случайно исчезли эти фамилии из здешних волостей. Дела участников крестьянского восстания долгое время хранились в местном НКВД, и, должно быть, не раз возвращались следователи к роковым спискам в поисках недостающих врагов народа.

Да и местные комбеды, составляя списки на раскулачивание и выселение, тоже небось не забывали о страшном пятне, легшем на эти семьи.

Нет-нет... Совсем не обязательно, что все эти Чекуновы, Колчины, Востряковы были репрессированы и высланы. Несомненно, что многие родственники участников Новоладожской Вандеи не стали дожидаться страшной участи и, снявшись с насиженных мест, подались на стройку.

Но по сути дела это ведь ничего не меняет. Для своих деревень они исчезли, стерлись из памяти, как и те, кто был выслан на поселения, в лагеря! И об этой казни, уготованной всем их семьям, вряд ли догадывались ожидающие расстрела узники Новоладожского домзака в восемнадцатом году.

Страшным было это открытие, и, конечно, ради него и стоило приехать сюда, невозможно было додуматься до этого, сидя в питерской квартире.

Только, разумеется, уже не о мостике между эпохами следовало теперь говорить, а о пропасти, разверзшейся на пути русского народа в первые десятилетия советской власти.

28 сентября 1994 года. Волхов

ГОСТЕПРИИМСТВО ЕЛЬЦИНА

Собираюсь в Москву.

Надо будет сделать там для «Ведомостей» очерк «Эта грустная вепсская история».

По телевизору новость: Ельцин проспал встречу в аэропорту Шеннон, сорвав таким образом встречу с премьер-министром Ирландии, который, как и было договорено, встречал Бориса Николаевича на взлетно-посадочной полосе.

Премьер-министр постоял на взлетно-посадочной полосе и так и ушел ни с чем.

Ну и что такого? – проспавшись, сказал
 Ельцин. – Пусть в Москву приезжает к нам.

Такой вот хотя и не дипломатичный, но зато очень гостеприимный у нас президент.

30 сентября 1994 года. Санкт-Петербург

ПЕРЕДЕЛКИНСКИЕ СНЫ

В Переделкино сухая хорошая осень и Петя Кошель.

По приезде посидел с ним, слушая, какие новые халтуры он делает.

– А стихи не пишешь?

Петя только усмехнулся в ответ.

Жаль. Стихи-то у Пети очень хорошие:

Дверь отворяется, входит отец:

— Дзе маці?

Дверь отворяется, входит мать:

— Дзе бацька?

И так они ищут друг друга, ищут, а вьюга свищет вокруг и свищет, и стены хаты дрожат от ветра. Отец мой Женя и мама Вера...

На этом зябком горчайшем свете один, не верующий в бессмертье, стирая поздние злые слезы, стою и слушаю их вопросы.

- Дзе маці?
- Дзе бацька?

Вспоминая это старое стихотворение, прилег у себя в номере отдохнуть, и сразу приснилась мать.

И как-то хорошо приснилась.

Словно мы в Вознесенье. Я, мама и еще Марина. Маринин голос слышу из дома, а сам я кошу траву. Траву эту забирает сосед, потому что нам трава не нужна. Сосед этот из нового, не маминого времени — какой-то очень деловой фермер.

Я заплачу, за все заплачу! – говорит он. –
 Сколько надо, столько и заплачу.

Само по себе это хорошо.

- У тебя как, мама, с деньгами? спрашиваю я.
- Вам-то нужнее деньги... говорит мама, но говорит нерешительно, и я настаиваю, чтобы она взяла эти деньги себе.

И какая-то теплота от того, что настоял. Проснулся.

Господи! Четверть века уже прошло без матери, а я только-только начинаю ощущать себя — пусть и во сне! — способным помогать ей.

1 октября 1994 года. Переделкино

ПАНИХИДА

Реяли знамена и транспаранты на Октябрьской площади в Москве. Красные полотнища и Андреевские стяги... Трехцветные — белая, черная и желтая полосы — флаги и хоругви с ликом Спаса!

Они были рядом в этом холодном и солнечно-чистом воздухе второго октябрьского дня. Теперь уже навсегда рядом в нашей страшной истории.

Народу собралось много на эту демонстрацию в память годовщины кровавого октября. Много собралось и милиции.

Милиционеры стояли везде.

Возле станции метро и в подворотнях домов, пешие и конные.

Дом художника, что находится в скверике, напротив парка Горького, облепленный лошадями, походил на какую-то скаковую конюшню.

— Нет! — успокаивая меня, ответил мой спутник. — Если бы готовили чего, других бы пригнали, со щитами...

И действительно, вели себя милиционеры вполне мирно. Благодушно улыбались в ответ, когда кто-нибудь из колонны спрашивал, сколько они получают, и только поигрывали дубинками, показывая, что платят неплохо.

А колонна двигалась дальше, гремели голоса ораторов из мегафонов. Но все равно было такое ошущение, что главное происходит не здесь, на очищенном от машин Садовом кольце, а вверху — на небе...

Это там, вверху, сияло над демонстрантами такое необыкновенно светлое для октября, по-летнему голубое небо. Это там, со стороны Кремля, ползли, стремясь погасить сияющий свет, серые низкие тучи. И порою казалось, что одолевают они свет, и уже хлестали по спинам первые капли дождя, но ветром раздувало тучи, снова проглядывало солнце, но ненадолго, со стороны американского посольства снова начинали собираться тучи, снова надвигались они на нас.

Волнующим и торжественным было совершающееся в московском небе борение.

Очевидцы рассказывают, что 13 ноября 1993 года, на сороковой день после кровавой расправы, многие видели в небе над Красной Пресней образ Пресвятой Богородицы...

У поэта Валерия Хатюшина даже стихи написаны об этом:

Морозный снег искрился на траве, Пропитанной непокорённой кровью. Молились мы в запуганной Москве Наперекор всевластному злословью. Всё это было, как в тревожном сне: Мерцали свечи в хвойных лапах ели. На стадиона каменной стене В пробоинах от пуль цветы алели... Они стояли здесь тринадцать дней U вот — ушли, оплаканные нами. Расстрелянные армией своей За то, что не желали жить рабами. Нас ждёт тоска немереных дорог, Нас в прах испепелят иные грозы... Вчера Закон был с нами, нынче — Бог. И в этот день Он видел наши слезы...

Через год на панихиде, стоя возле стены, у которой расстреливали год назад защитников Белого дома, многие тоже плакали.

И звучали, звучали слова молитвы, восходящей в медленно гаснущее вечернее небо...

5 октября 1994 года. Переделкино

<u>ЧЕРНЫЙ ВТОРНИК</u>

Закончил очерк «Вепсская история» и поехал в Москву.

Когда вышел из метро на Дмитровской, словно черным ветерком подуло.

Вдруг один за другим начали закрываться бесчисленные ларьки. Пока шёл по Новодмитровской, черный ветерок обогнал меня и у поворота на Хуторской переулок — это метрах в двухстах от метро — все ларьки уже закрылись.

С трудом удалось выяснить, что это стремительно падает курс рубля и в ларьках, чтобы не разориться, идет переоценка.

Под это падения рубля и разговаривал в «Молодой гвардии» с Сашей Кротовым. Он сказал, что решил заплатить мне за «Дни забытых глухарей» не 350 000, а 300 000 рублей.

Жмот, конечно, но если бы я узнал это вчера, огорчение было бы гораздо сильнее. Как-никак вчера пятьдесят тысяч были пятьюдесятью тысячами, а сегодня считай что всего двадцать... Утешившись этим рассуждением, поехал на Комсомольский проспект в Союз писателей.

Я рассчитывал, поскольку мне так и не удалось купить водки, выпить в «Палее», но Николай Мишин собирался ехать на презентацию книги Сергея Плеханова о Владимире Вольфовиче Жириновском в Люберцы.

Поехали со мной! – предложил он. – Там и выпьем...

Поехали на забитой народом электричке. Шли по длинному, заплеванному, тускло освещенному тоннелю. Пришли в затерянный в осенней темноте, еще не переделанный под казино Дворец культуры.

В большом зале, где проходила официальная часть, сидели пенсионеры и слушали обещания Владимира Вольфовича Жириновского, а в боковом зальчике были накрыты столы для журналистов, туда сразу и протиснулись мы с Мишиным.

Журналистов было немного. В основном возле столов толкались завсегдатаи презентаций и люди, по-видимому, как-то связанные с ЛДПР.

Здесь и обнаружился Сергей, брат Марины Волжиной-Ястребовой.

Как всякий новый русский, Сергей не сразу узнал меня, но потом вспомнил, что отдал мне долг, и сразу заулыбался.

- Ну, как ты? покровительственно спросил он.
 - Нормально...

Сергей внимательно посмотрел на меня, видимо, что-то обдумывая.

— Садись ко мне в бэху! — объявил он. — Свалим на настоящий банкет!

Мы сели в бээмвэ и помчались в пансионат, где проходил второй банкет.

Банкет роскошный был, но больше запомнились не угощения, не речи за столом, а эта колонна иномарок, несущихся сквозь сырую осеннюю ночь российского черного вторника...

11 октября 1994 года. Переделкино

ПОКРОВА

Сегодня Покрова Божией Матери...

Сохранилось предание, что ранним летним утром 1380 года в храме Рождества Богородицы во Владимире вдруг вспыхнули сами по себе свечи, раздался ужасающий гром, и из распахнувшихся дверей собора вышел на паперть осиянный дивным светом Александр Невский.

На следующий день мощи святого князя были открыты и поставлены в раке посреди собора. Начались чудеса исцелений от них...

Главное же чудо, как мы знаем, произошло несколько дней спустя на Поле Куликовом.

Русские святые всегда являлись, когда без них уже не выстоять было нам. Так было прежде, еще при земной жизни князя Александра Невского, когда со словами: «Поможем родственнику нашему Александру!» — спешила к Невской битве небесная ладья со святыми мучениками Борисом и Глебом, так было и после, в тяжкие дни испытаний...

Ничего не происходило и не происходит вопреки воле Божией...

И порою мелькает странная мысль...

Может, и сейчас, когда снова переживает наша Родина страшную годину испытаний, такое обилие в газетах и журналах очерков и статей о русских святых? Может, не только одним интересом к церковной тематике продиктовано оно, а нечто большее стоит за этим?

Как яркий свет, из унылых сумерек вранья возникают сияющие и величественные образы русских святых!

И вот уж воистину: «Согрешихом, беззаконновахом, неправдовахом перед Тобою, Господи Боже наш: не сохранихом заповедей твоих, не соблюдахом повелений Твоих, но возжелахом ходити в волях сердец наших. Не хранили мы первой любви к тебе, жениху душ наших, нашему владыце и благодетелю, к матери нашей Церкви Православной и ея уставам, ко Отечеству нашему, Святой Руси, и его святыням, к памяти отцов наших и благочестивым обычаям и заветам предков...»

Повторяешь эти слова из службы Всем Святым, в Земле Русской просиявшим, и веришь — так хочется верить! — что и в наши страшные времена не случайно явилась к нам светлая рать Небесных Заступников, что это Божия Мать, простершая покрова над нашей Родиной, посылает их к нам.

И, может быть, не так уж и далеко и наше Поле Куликово, и снова, уже в который раз, будет явлено чудо и из праха и унижения вновь восстанет наша страна, сильною и могучей...

14 октября 1994 года. Переделкино

КРАПЛЕНЫЕ ШАХМАТЫ

Был на заседании учредителей «Светоча», придуманного Евгением Васильевичем Кутузовым. Кроме нас там были еще Николай Николаевич Скатов и, конечно, Глеб Александрович Горышин...

Чем именно будет заниматься наше общество, кроме того что мы будем получать деньги и ездить в командировки, никто не понял, но общество мы учредили.

Ночью приснился сон, будто я играю в крапленые шахматы.

Я за Россию играю, а противник мой — за Кремль.

Мне сразу не понравилось, как ходит у моего противника конь. Вместо того чтобы продвинуться на три клетки вперед и на две вбок, он прыгнул прямо под мои пешки.

- Это дебют двух Чубайсов! объявил он.
- Ну что ж... говорю я. Будем тогда играть защиту Шахрая!

И грозно выпрыгнул слоном из-за пешек.

Обычно слон так не ходит, но в защите Шахрая это очень даже возможный ход.

Противник уважительно посмотрел на меня. Вместе с тем было в его взгляде и еще что-то... Я даже проснулся от этого.

1 ноября 1994 года. Санкт-Петербург

СТОЛЕТИЕ

Получил сегодня мешок сахара в «Санкт-Петербургских ведомостях».

Когда приволок его домой, Марина спросила, с какой это радости такие подарки?

- Наверное, чтобы умственную деятельность сотрудников поддержать... предположил я.
 - А я думала, по случаю юбилея...

Действительно, сегодня столетие со дня кончины Александра III и восшествия на Российский престол Николая II Александровича.

2 ноября 1994 года. Санкт-Петербург

РЕАБИЛИТАЦИЯ

Если не считать Николая II, император Александр III по составу своей крови был самым нерусским русским императором. И вместе с тем едва ли мы найдем среди его предшественников более русского царя...

Всю жизнь он вставал в семь часов утра, обливался ледяной водой и надевал крестьянскую рубаху. Он мог согнуть пальцами серебряный рубль, и однажды во время обеда с австрийским послом, когда разговор зашел о положении на Балканах и посол угрожающе намекнул, что Австрия может мобилизовать два или три армейских корпуса, Александр III спокойно взял серебряную вилку, скрутил ее петлей и положил перед австрийским послом.

 Вот, — сказал он, — что я сделаю с вашими двумя или тремя мобилизованными корпусами.

Богатырскими были не только слова, но и свершения императора.

Как пишет его биограф, «Государь сразу дал понять и другим народам, и русским инородцам, и космополитам, что его заботой будет не весь земной шар, даже не Европа, а Россия паче всего»...

При Александре III бурно развивалась промышленность, и к концу его царствования доходы госбюджета увеличились на 60%, фактическое превышение их над затратами выразилось гигантской по тем временам суммой в 98,8 миллиона рублей.

Александр III — единственный из правителей России, осмелившийся прямо и ясно сказать, что «русские реальные жизненные интересы — вот начало и конец его иностранной политики».

И, конечно же, именно поэтому и был Александр III так нелюбим современной ему прогрессивной общественностью, большевикамиленинцами, современными демократами.

Как только большевики пришли к власти, конный памятник Александру III, снабженный гнусной надписью Демьяна Бедного, был превращен в объект насмешек интернационалистской своры, а потом и вообще убран с площади у Московского вокзала и заключен во внутреннем дворике Русского музея. Уничтожить этот скульптурный шедевр большевики-интернационалисты не осмелились...

Там, во внутреннем дворике, и пережил Александр III десятилетия советской власти. Впрочем, в судьбе его мало что изменилось и после победы демократов.

Как стоял он во внутреннем дворике Русского музея, так и продолжал стоять, и только сейчас к столетию со дня его кончины Александра III выпустили с внутреннего двора Русского музея.

Теперь ему назначено стоять в парадном дворике Мраморного дворца.

Зато почти одновременно, в присутствии всего питерского «бомонда», открыли другой «исторический» памятник — чижику, который, как утверждается в песенке, «на Фонтанке водку пил»...

8 ноября 1994 года. Санкт-Петербург

<u>ПРАВОСЛАВНОЕ ОБЩЕСТВО</u> ПИСАТЕЛЕЙ

Сегодня в храме Спаса Нерукотворного Образа прошло организационное собрание нашего Православного общества санкт-петербургских писателей.

В одобренном митрополитом Иоанном уставе нашего общества сказано:

«Православное общество санкт-петербургских писателей ставит своей целью возвращение российской интеллигенции в свой духовный дом — Русскую Православную Церковь, воцерковление культуры, создание новых произведений художественной литературы, достойно продолжающих православные традиции лучших мастеров русской классической литературы...»

Об этом возвращении в родной дом и говорил на собрании отец Константин Смирнов, назначенный нашим духовником.

Потом прошли выборы. Меня избрали председателем общества, сопредседателями — Анатолия Трохина и Виктора Максимова. Андрей Ребров стал секретарем.

Говорили о том, что нужно сейчас писать...

Наши этническо-демократические оппоненты ликуют сейчас, радуя себя песенками Михаила Захаровича Шуфутинского:

Спасибо, Миша, Рая, что жизнь пошла другая, за перестройку вас благодарим. Мы даже не надеялись, что это так изменится. Настало время, явью стали сны...

– мы же продолжаем издеваться над собою.
 Конечно, сейчас очень нужны произведения, которые бы воодушевляли всех...

10 ноября 1994 года. Санкт-Петербург

господи, помилуй

В поселке Вознесенье, где я родился, церкви закрыли еще до войны, а при Никите Сергеевиче — динамиту тогда уже хватало — взорвали и последний храм.

Но Веру, но Надежду на спасение души нельзя ни закрыть, ни взорвать, и православие тоже не исчезло никуда, а, напротив, оставшись без храмов, порою начало приобретать даже какую-то изначальную первохристианскую простоту и ясность.

Моя бабушка, например, глубоко и искренне верила, что достаточно прошептать перед смертью: «Господи, помилуй!» — и душа будет спасена для вечной жизни.

- И что же? спрашивал я. И молиться не надо? И Евангелие читать не надо?
- Почему не надо? отвечала бабушка. И молись, и читай... Только, главное, перед смертью не забудь «Господи, помилуй!» попросить...

Я уже прочитал к тому времени Евангелие, по поселковым меркам считался достаточно начитанным молодым человеком и потому с упорством, достойным советского школьника, всячески пытался разубедить бабушку.

- Как же так? доказывал я. Один человек, бабушка, живет как праведник, терпеливо сносит все лишения... А другой мерзавец, готовый совершить любую подлость, чтобы достичь выгоды... И что же? По-твоему, получается, что и ему достаточно только попросить Бога, и Бог спасет его, как и праведника? Ведь это же бессмыслица...
- Нашего смыслу тут нет! соглашалась бабушка. — А Бог все равно спасет. Он каждого спасет, если, конечно, останется еще в человеке чего спасать!

Если останется в человеке чего спасать...

Только с годами постепенно открывается вся страшная глубина этих простых слов. К концу нынешнего века, когда в бесхрамовом пространстве начала иссякать инерция православного движения, когда закончились веками накапливаемые в языке, в самой генетической памяти запасы духовности, какими страшными, почти непотребными сделались поселковые смерти!

Зимою шла старушка с автобуса в Чащеручей, а через неделю нашли ее без пенсии, в проруби на реке...

Или другая старушка: напекла калиток и пропала куда-то, целый год искали, пока не нашли косточки на болоте у маяка. И сразу с осеннею непогодой слухи поползли, что не иначе сын с невесткой ей помогли...

Впрочем, молодые помирают еще страшнее. Я был в поселке, когда хоронили молодого шофера. Он возился с папироской в моторе, от огненных табачных крошек вспыхнула ветошь, а потом загорелась и промасленная фуфайка. Парень упал на землю, начал кататься, пытаясь сбить огонь, но тут подбежал на помощь другой мужик. Увидел стоящее возле машины ведро и, не задумываясь, плеснул на парня. Думал, что в ведре вода, а оказался — бензин.

Заживо сгорел парень...

И понятно, что случайность, что пьянство, что низкая культура труда, но все равно не вмещается в эти слова такая ужасная, жуткая смерть! И

такая в ней безысходность поздней осени, что кончается, кажется, и свет на земле, и тоскливо и глухо шумят, стонут над могилами деревья, и тонет в растоптанной грязи дорога на кладбище.

А ведет эта дорога мимо прежнего погоста, где стояла когда-то церковь Покрова Богородицы. Этот храм взорвали еще в тридцатые годы, а вместе с церковью уничтожили и погост. Теперь здесь детский садик, и вот — уже сколько десятилетий подряд! — пересыпают тут могильный песочек дети, ничего не знающие ни о кладбище, ни о Покровах Богородицы, простертых над нашей землей.

Помню, в тот день, когда хоронили в Вознесенье сгоревшего шофера, я проснулся рано утром от стука дятла в облетевшем саду. Приглушенный двойной рамой стук этот был похож на тиканье часов, отмеряющих наше земное время.

Хватит ли этого времени нам, чтобы произнести всего два слова: «Господи, помилуй!»?

Не знаю...

11 ноября 1994 года. Санкт-Петербург

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ

Панихида на могиле Федора Михайловича Достоевского. Из Москвы приехали Леонид Бородин и Владимир Крупин.

В морозном воздухе запах ладана и такие ясные голоса: «Вечная память!»

Я в Духовной академии пробыл совсем недолго. Послушал лекцию и уехал.

Дома дописывал рассказ «Созижду церковь мою» («Петр и Павел»).

12 ноября 1994 года. Санкт-Петербург

В МАСТЕРСКОЙ У СЕРГЕЯ АЛИПОВА

Вечером с Геннадием Морозовым и Андреем Ребровым поехали в мастерскую к Сергею Алипову.

Среди грязных чашек и тарелок стоят бронзовые фигурки поэтов и писателей, спортсменов и певцов, иконописные скульптуры петербургских святых.

Работы очень хорошие.

И скорбная Анна Ахматова, и Сергей Есенин, и Ксения Блаженная, и протоиерей Михаил Чельцов.

Сейчас Сергей работает над памятником

Николаю Клюеву, который собираются поставить в Вытегре.

Опираясь на посох, должен встать Клюев лицом к Сретенской с пузатыми, крепкими, как репы, маковками церкви — странник, вышедший из дремучего онежского леса к храму...

Это очень вытегорский Клюев, такой, каким он был в своих стихах, где:

Дудя коровьи молебны В зеленый Егорьев день, Он в воз молочный и хлебный Свивает сны деревень.

Правда, как он доберется по нашему рыночному бездорожью до своей родной Вытегры, Сергей и сам не знает и сильно опасается, что так и останется он, подобно Ахматовой или Есенину, бронзовой статуэткой, для которой слишком тяжела опустившаяся на его плечо птица Сирин.

Расправившая крылья, она и на статуэтке схожа с крестом, но здесь это только тяжелый крест клюевской судьбы, а на памятнике, в перекличке с крестами вытегорской Сретенской церкви явлена была бы гулкая даль русского православия, самый стык его с язычеством, в котором местные боги поэтому так легко и уступали место подлинной святости, что и не осознавали себя в народной душе богами, а являлись лишь местоблюстителями грядущих подлинных святынь.

Мы перебирали статуэтки-памятники, и вставали вокруг Клюева с присевшей на его плечо вещей птицей все новые и новые бронзовые фигурки...

И удивительно, насколько целостный возникал образ этого собрания.

И не так уж и трудно было отгадать секрет этой цельности.

И в скорбной, словно бы обдутой ветром тюремных очередей Анне Ахматовой, и в Есенине, что стоит, прижимая рукою полы пальто, словно пытаясь прикрыться от тянущего из открытой двери номера «Англетера» могильного холода, сконцентрировано прежде всего выражение русской, православной судьбы.

Эта судьба роднит портреты поэтов со скульптурными иконами небесных наших заступников — святого князя Александра Невского, святого

праведного Иоанна Кронштадтского, блаженной Ксении Петербургской, священномучеников митрополита Вениамина и отца Философа Орнадского и, конечно же, царя-мученика...

Все они, пока еще не ставшие памятниками, непоколебимо встают вокруг русского креста, спасая и нашу страну, и каждого из нас...

13 ноября 1994 года. Санкт-Петербург

ПАША И БОРЯ МЕРСЕДЕСЫ

Что-то ужасное, страшное и позорное закручивается в Чечне.

Оппозиционные Джохару Дудаеву силы пытаются взять Грозный.

«Вооруженные силы России не участвуют в событиях, происходящих в Чечне. Там идет обычная борьба за власть», — заявил министр обороны Павел Грачев, однако в подбитых в Грозном танках оказались русские солдаты.

Ну что тут скажешь?

Кажется, у нас еще не было министров обороны, на которых бы так мешковато висела генеральская форма. И история, которую они творили, тоже никогда не походила на такой грязный мешок, как сейчас...

В этот вонючий мешок и пытается нынешний министр обороны засунуть и армию, и всю Россию.

Недаром его прозвали в народе Пашей Мерседесом...

Впрочем, Борис Николаевич Ельцин, как всегда, и тут сумел перещеголять министра своей обороны. Он подписал ультиматум, в котором потребовал, чтобы обе противоборствующие стороны в Чечне сложили оружие.

Ну, насчет одной стороны понятно...

Это Джохар Дудаев...

А другая сторона? Это что, российская армия должна сложить оружие?

29 ноября 1994 года. Санкт-Петербург

ЗАБЫТАЯ МОЛИТВА

Приснилось, будто я стою в соминской церкви на солее и вслух читаю молитвы.

Прочитал «Во имя Отца и Сына и Святого Духа Аминь», прочитал «Царю Небесный», прочитал «Отче наш», а дальше забыл молитву, которую должен читать.

Мне все сочувствуют, протягивают молитвословы, но я и в них не могу отыскать то, что мне необходимо сейчас прочитать...

Нет этого в протянутых мне молитвословах. 30 ноября 1994 года. Санкт-Петербург

ПОРТРЕТ

Сергей Алипов решил сделать мой скульптурный портрет, и уже несколько дней позирую ему.

Мастерская у Сергея, так сказать, в творческом беспорядке.

В тазу мокнет гипсовая голова поэта Самойлова, барельеф с Петром и Павлом на подрамнике завешан голубенькой детской рубашкой. Резко пахнет котовьей мочой, которую Алипов использует для патинирования бронзы. Везде грязь, и прежде чем сесть, надо протирать сиденье...

Тем не менее привыкаешь к этому беспорядку и запахам и перестаешь замечать их, наблюдая, как под руками Сергея рождается что-то, напоминающее тебя.

Вечером играл с Колей Тамби в шахматы, когда позвонил Андрей Поздняев.

Мне присудили премию Андрея Платонова — 1 500 000 рублей...

6 декабря 1994 года. Санкт-Петербург

ПИСЬМО ЗАПОЗДАЛОЕ

И раньше-то письма писать ленились, а нынче, когда так вздорожала почта, и совсем писать перестали.

Ну, мне иногда еще приходят письма...

То из какой-нибудь редакции напишут, то от приятеля письмо получу, а соседка только рекламки из ящика достаёт да еще, если избирательная кампания, обещания кандидатов в депутаты.

И вот на тебе — сегодня и она письмо получила!

От подружки... – пояснила она, закрывая ящик. – В Самаре живет. Давно уже не писала...

Мне-то что до ее подружки, с которой соседка еще в институте училась. Пожал плечами и пошел по своим делам.

А когда вернулся, в коридоре чемодан стоит.

 Чего это? – спросил у жены. – Собираешься куда-нибудь?

- Это Наташа... сказала жена. В Самару елет...
 - Подружку проведать?
 - А она тебе разве не рассказывала?
 - Нет... А что она должна была мне рассказать?
- Наташа! крикнула жена. Покажи письмо, а?

И из кухни на ее голос вышла соседка.

Ты только посмотри, какие там цены... – сказала она. – Вот я и решила туда съездить.

И она протянула мне листочек.

Подружка из Самары писала соседке о своей семье, о сыне, которого недавно забрали в армию, о том, что жизнь за последние месяцы, к зиме, вздорожала ужасно. Масло сливочное — 15 рублей килограмм стоит, подсолнечное — два рубля за бутылку. А про мясо и говорить нечего. Баранина — 30 рублей, говядина — двадцать, сосиски — восемнадцать рублей...

Дальше я читать не стал.

- Она что, спросил я, сумасшедшая?
- Почему сумасшедшая... обиделась соседка. — Если цены такие, так что, и сумасшедшие сразу?..
 - А когда она это писала?
- Я сегодня письмо получила. Ты же видел.
 Но я уже взял из ее рук конверт.
- Посмотри... сказал я, показывая на штамп. – Письмо же в девяносто первом году отправлено. Четыре года назад.
- А что же оно так долго шло? спросила соседка, разглядывая штамп.
- Откуда я знаю... ответил я. У нас и не такое бывает.
- Значит, не надо в Самару за продуктами ехать? – грустно спросила соседка.
- Так поздно собралась. Четыре года назад ту Самару проехали. Теперь уже не вернуться туда...

10 декабря 1994 года. Санкт-Петербург

РАЗГОВОР В АВТОБУСЕ

«Интересная болезнь» Ельцина все не кончается.

А что бы случилось с ним, если бы началась настоящая война?

Слышал сегодня разговор в автобусе:

- Хорошо всё-таки, что Гор приехал...
- А чего хорошего-то?

Ну как же... Всё-таки Ельцина увидели впервые с начала войны.

22 декабря 1994 года. Санкт-Петербург

ЛАУРЕАТЫ

Ездил в Москву.

Предупредительно-внимательный Владимир Крупин в журнале «Москва».

Заехал в «Патриот», получил патриотические копейки. Потом — «Наш современник», «Литературная Россия»...

Вечером поехал во Дворец железнодорожников, где и вручали премии Андрея Платонова.

Разговор с Петром Лукичом Проскуриным

- Сколько вам лет? спросил он.
- Сорок пять... сказал я.

На этом и закончилась беседа.

Постояли, помолчали и разошлись.

Но почему-то неприятный осадок остался.

23 декабря 1994 года. Москва

ВСЕ УЖЕ РЕШЕНО...

Приходил Валера. Когда выпили, он рассказал, что сейчас самое дело в банки играть.

У них целая компания собралась. Один собирает информацию, где какие проценты, другой проверяет, что это за конторы.

Валера предложил и директору создать свой банк.

Директор отказался.

- Зачем... Я и так получаю сейчас свои два миллиона.
- Но если создать свой банк, миллионов может быть больше.
- Нет... Если мы уйдем из нашего банка, сразу инспекцию пришлют и меня накроют. Я вообще ничего тогда не буду получать. Так что не надо дергаться. Все уже решено, кто и сколько получать должен.

27 декабря 1994 года. Санкт-Петербург

СОЧИНЕНИЕ

Ездил в Старую Ладогу, где в храме Рождества Иоанна Предтечи готовится «Пещное действо».

С благословения отца Евстафия мы с Лизой Лозновской провели в этом «детском приходе» сочинение. Попросили детей рассказать о церкви Рождества Иоанна Предтечи и о том, что связывает их, каждого, с этой церковью.

Набралась целая кипа исписанных детскими каракулями листочков...

«Меня зовут Алёна. Я учусь в четвертом классе. Я хожу в храм Иоанна Предтечи. Мне очень нравится здесь отец Евстафий, он очень добрый. Здесь есть швея Светлана Дубровская и хорошо кормят. Отец Евстафий очень добрый».

«Меня зовут Аня. Мне 12 лет. Я выполняю послушание в храме Иоанна Предтечи. Я уже достигла чина младшей псаломщицы. Только в этом храме я поняла, что такое настоящая церковная семья. Наши братья: Артемий и Виталий и одиннадцать сестер. Наш регент — Тамара Владиславовна стала нам мамой. Вот и все. Я бы хотела, чтобы прибавилось братьев и сестер. И чтобы сделали высокий клирос».

«Меня зовут Тамара. Я пою в храме Иоанна Предтечи. Наш храм очень красив, особенно внутри. Все стены украшены росписями. Есть в храме еще регент Тамара Владиславовна. Дети очень любят тетю Тамару. И с каждым воскресеньем у нас все больше и больше людей. Если увидите ошибку, примите ее за улыбку».

«Меня зовут Ксения, мне 13 лет. Когда я пришла в храм Иоанна Предтечи, я не знала, как молиться и даже креститься не умела. Я узнала отца Евстафия. Отец Евстафий крестил меня. Мне нравится ходить в храм на службу. Я завела здесь хороших друзей. А вообще лучше храма и веры в Бога нету ничего лучше».

«Однажды приехала одна девочка в храм с мамой. Она обижала маленьких, спорила с мамой, была жадной и некрасива в душе. Она с мамой жила бедно. Маме пришлось искать новое место жительства. Она совершенно случайно встретила отца Евстафия. Он пожалел бедную женщину и накормил ее. Батюшка обеспечил маме с девочкой все, что нужно для жизни, – дом, свет, тепло. Со временем мама научилась шить и вышивать. Все болезни исцелились. Ну, а девочка 13 лет стала рисовать как художник 7-го класса «в». Петь и танцевать. Но время от времени эти таланты пропадали. Наверное, это от ее множества грехов. Она этого не понимала и была от этого несчастна. Но вдруг этой девочкой оказалась я, Га-

лина, 13 лет. И учится в обыкновенной школе. Но она уже исправилась. И теперь служит в храме Иоанна Предтечи. У нас сейчас очень добрый и справедливый батюшка лет 55. В худых ботинках ходит по улицам, помогая всем немощным, страдающим и труждающимся. Это хорошо, когда плохое начало и прекрасный конец».

«Я пришла в 1994 году в Староладожский храм Иоанна Предтечи. Отец Евстафий иногда, когда у нас чего-нибудь нет, например: понравилось платье — купит. Порвались сапоги — думает над этим вопросом. Нету куртки или шапки — все думают. От такой доброты и заботы тянет в храм, как магнитная волна. Но на самом деле нас всех тянет ближе к Богу...»

«Меня зовут Артемий. Хотя я и живу в Санкт-Петербурге, в этом красивом городе, все равно больше меня тянет неведомой силой в Старую Ладогу, в этот прекрасный храм Рождества Иоанна Предтечи. Поднимаясь в гору, где стоит храм, я вижу радостные лица детей, бегущих навстречу батюшке, отцу Евстафию. Каждый складывает свои ладошки и просит у него благословения. После этого одни бегут в храм сказать, что батюшка приехал, другие, наоборот, помогают ему взобраться на склон горы. Сразу же, как взойдешь в храм,

видишь печку, красивые фрески на стенах, разные портреты митрополитов и патриархов. Как бы ни были трудны доходы, все равно в храме появляются новые иконы и материалы для конца реставрации храма. В храме у многих детей есть своя работа. Некоторые поют на службе, другие читают молитвы на исповеди, третьи моют посуду после трапезы или где-нибудь, где надо, подметут. И даже я устроился работать в алтаре, а ведь я был очень грешный мальчик и даже не мечтал подавать батюшке калило...»

Что ни сочинение, то целая детская судьба... Здесь всё есть: и желание стать лучше, и надежды, и ожидание чуда...

24 декабря 1994 года. Старая Ладога

(Окончание следует)

Николай Михайлович КОНЯЕВ

родился в 1949 году в поселке Вознесенье на берегу Онежского озера.

Автор книг: «Земля, которая помнит все», «Первые уроки»,
«Ненайденные клады», «Рассказы о землепроходцах»,
«О себе Ермак известие дал», «Пригород», «Марсиане»,
«Гавдарея», «У тихой воды», «Неудавшийся побег»,
«Гибель красных Моисеев», «Подвиг митрополита»,
«Путник на краю поля», «Ангел Родины», «Солженицын в обвале»,
«Аввакумов костер», «Великая северная ревизия» и других.
Романы и повести отмечались премией имени Василия Шукшина,
премией Андрея Платонова, премией ВЦСПС,
годовыми премиями журналов «Наш современник»,
«Молодая гвардия», «Север», «Студенческий меридиан».

